
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР
КЛИНИКА
«МЕРИДИАН»
17
ИДЕАЛЬНЫЙ
ПАЦИЕНТ
ЧЕМ БЛИЖЕ К ПРАВДЕ,
ТЕМ ОПАСНЕЕ ЛЕЧЕНИЕ
ПРОГРАММА
«МЕРИДИАН»

А А

Идеальный пациент

«Автор»
2026

А А.

Идеальный пациент / А. А — «Автор», 2026

ИДЕАЛЬНЫЙ ПАЦИЕНТ**Что, если после лечения вы перестанете быть собой — и назовёте это выздоровлением?**Частная клиника «Меридиан» считается местом, где происходят медицинские чудеса. Пациенты, годами не поддававшиеся лечению, здесь быстро идут на поправку. Они спокойны, послушны и больше не задают неудобных вопросов.Молодой врач Елена Соколова замечает странность: бывшие пациенты говорят одинаковыми фразами, одинаково вспоминают прошлое и словно пользуются чужими воспоминаниями.Знакомство с пациентом 17 превращает её сомнения в опасное расследование. Поддельные истории болезни, исчезнувшие имена и закрытая программа «Меридиан» постепенно выводят Елену на тайну, связанную с её собственной семьёй.Чем ближе она к правде, тем яснее понимает: в этой клинике выздоровление измеряют не свободой человека, а его послушанием.**Но кто решает, каким должен быть идеальный пациент — и что происходит с теми, кто отказывается им становиться?**

© А А., 2026
© Автор, 2026

А А
Идеальный пациент

ИДЕАЛЬНЫЙ

ПАЦИЕНТ

Психологический триллер

РАБОЧАЯ РУКОПИСЬ · ПРОЛОГ, ГЛАВЫ 1–36 И ЭПИЛОГ

ПРОЛОГ

Запись, которой не должно быть

В медицинском архиве было холоднее, чем в коридорах. Не потому, что там работал отдельный кондиционер: вентиляция в старом корпусе давно не справлялась с нагрузкой. Просто помещение находилось ниже уровня земли, за двумя дверями с электронными замками, и сюда почти никогда не проникал дневной свет.

Доктор Лев Семёнович Левин стоял перед металлическим шкафом и держал в руке тонкую папку. На корешке значилось: «Воронов А. М. / № 17». Ниже кто-то карандашом приписал: «Повторное согласование».

Левин перечитал надпись, хотя знал её наизусть. В последние недели он всё чаще ловил себя на том, что проверяет очевидные вещи: выключен ли свет, закрыта ли дверь, действительно ли он уже отправил письмо. Он не считал это признаком болезни. Скорее, организм так реагировал на затянувшийся страх.

В папке лежали три документа. Первичный осмотр, согласие на участие в лечебной программе и краткая выписка о динамике состояния. Всё выглядело безупречно. Подписи совпадали, даты располагались в правильном порядке, формулировки соответствовали внутреннему стандарту клиники. Только один пункт был заполнен не тем почерком.

«Предыдущий лечащий врач: Е. В. Соколова».

Левин провёл пальцем по буквам. Он ещё не встречал Елену Соколову. В штатном расписании её не было. В списке кандидатов — тоже. Он знал об этом точно, потому что последние два месяца сам участвовал в подборе сотрудников и лично просматривал каждое резюме.

За дверью послышались шаги. Левин быстро положил папку на стол, вытащил из внутреннего кармана диктофон и нажал запись.

— Двадцать третье октября. Два часа четырнадцать минут. Это Лев Семёнович Левин. Если запись найдут, значит, я не сумел передать документы лично. Я хочу зафиксировать одну вещь: в клинике «Меридиан» нет программы, которая способна стирать память. Никто не умеет удалять воспоминания нажатием кнопки. То, что здесь называют восстановлением личности, устроено иначе. Людям снова и снова предлагают одну версию событий. Их изолируют от тех, кто может её оспорить. Их близким дают готовые слова. А в карты вносят не то, что человек говорил, а то, что он, по мнению программы, должен был сказать.

Он замолчал. Из коридора донёсся короткий сигнал электронного замка.

— Сначала я думал, что это обычное злоупотребление властью. Потом увидел, как меняется поведение людей после семейных встреч. Они начинают говорить одинаково не потому, что у них одинаковая болезнь. Их учат одной и той же истории, пока альтернативная версия не становится слишком дорогой. Если пациент сопротивляется, его сопротивление записывают как симптом. Если соглашается — как улучшение. Система устроена так, что любой ответ подтверждает её правоту.

Левин нажал паузу и выдохнул. Он смотрел на папку № 17. Артём Воронов был не первым человеком, который пытался объяснить, что с ним происходит. Но первым, кто сумел описать это настолько ясно, что Левин перестал сомневаться.

— Воронов утверждает, что его лечащий врач исчез. В карте этого врача нет. В расписании консультаций нет. Записи о его увольнении нет. Но в аудиофайлах есть голос, который обращается к пациенту по имени и задаёт вопросы, которых никто из нынешних сотрудников не задавал. Я проверил метаданные. Файлы созданы в разные дни, на разных устройствах. Голос один и тот же.

Шаги остановились за дверью.

Левин выключил диктофон, положил его под папку и повернул ключ в замке шкафа. Он знал, кто пришёл. За последние три недели этот ритм шагов стал для него таким же узнаваемым, как собственный голос.

— Лев Семёнович? — спросил мужчина из коридора. — Вы ещё работаете?

— Уже заканчиваю.

— Вам не стоит оставаться здесь одному.

— Я не один. Со мной документы.

За дверью повисла пауза. Потом раздался тихий смешок.

— Вы опять придаёте бумагам человеческие качества.

— Иногда это единственное, что остаётся от человека.

— Откройте, пожалуйста.

Левин посмотрел на часы. Два семнадцать. Он решил не спорить. Поднял папку, спрятал диктофон во внутренний карман пиджака и открыл дверь.

На пороге стояла Марина Белова, старшая медицинская сестра. Её лицо было спокойным, но взгляд задержался на папке дольше, чем требовалось.

— Доктор Ракитин просил передать, что утреннее совещание перенесли, — сказала она. — И просил вас зайти к нему до ухода.

— Я сегодня не ухожу.

— Тогда тем более зайдите.

Она отступила, пропуская его в коридор. Левин сделал шаг, но внезапно остановился.

— Марина, вы знаете, кто такая Елена Соколова?

На её лице не дрогнул ни один мускул. Только пальцы на планшете чуть сильнее сжались.

— Конечно.

— Вы с ней работали?

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

— Её фамилия есть в документах.

— В каких?

Марина посмотрела на него, словно вопрос был неуместным.

— В тех, которые вы сейчас держите.

Левин опустил глаза. Папка была закрыта. На обложке по-прежнему значилось только имя пациента.

Когда он снова поднял взгляд, Марина уже шла по коридору. Он не стал её окликать. Теперь он был уверен: в клинике знали о Соколовой до того, как она узнала о клинике.

В своём кабинете Левин достал диктофон и продолжил запись.

— Дополнение. Я не знаю, кто такая Елена Соколова и почему её имя появилось в карте пациента раньше, чем она получила предложение о работе. Но если она действительно придёт сюда, ей нельзя доверять ни одной записи без проверки. Особенно той, где стоит её подпись.

Он выключил диктофон, открыл нижний ящик стола и достал конверт. На нём было написано: «Елене Соколовой. Передать лично».

Левин не помнил, когда написал это имя. Чернила уже высохли, сгибы бумаги потемнели от времени. Внутри лежала фотография пустого коридора и одна фраза: «Вы не первая, кого они ждут».

За окном начинался дождь. В отражении стекла Левин увидел человека у двери своего кабинета. Тот не стучал. Просто стоял и ждал, когда доктор обернётся.

Левин не обернулся.

Через девять минут его пропуск перестал открывать двери клиники. Через одиннадцать минут в журнале доступа появилась отметка, что он покинул здание. Через сутки его имя исчезло из списка сотрудников.

А диктофон остался в шкафу, за папкой пациента № 17.

ГЛАВА 1

Место, где выздоравливают

Такси свернуло с шоссе на узкую дорогу, обсаженную старыми липами. Асфальт здесь был ровным, почти новым, но по краям уже проступали трещины, заполненные тёмной водой. За деревьями виднелся высокий забор, а за ним — несколько светлых корпусов с одинаковыми окнами.

Елена Соколова посмотрела на часы. До назначенного времени оставалось восемь минут. Она попросила водителя остановить у главных ворот, расплатилась и вышла под мелкий дождь.

На металлической табличке было написано: «Медицинский центр восстановительной терапии “Меридиан”». Ниже, более мелким шрифтом: «Точность. Уважение. Результат».

Слово «результат» показалось ей слишком крупным для места, где люди обычно приходили не за результатом, а за возможностью снова жить без постоянной тревоги. Елена отметила эту мысль и убрала телефон в карман.

Она не любила опаздывать и ещё меньше любила производить впечатление человека, который заранее ищет недостатки. Поэтому задержалась у ворот всего на секунду, чтобы стряхнуть капли с пальто, и нажала кнопку вызова.

— Доктор Соколова? — раздался голос охранника.

— Да.

— Вас ждут. Проходите, пожалуйста. Пропуск получите в административном корпусе.

Ворота открылись не сразу. Сначала загорелась зелёная лампа, затем замок издал короткий металлический звук. Елена прошла внутрь и услышала, как створки сомкнулись за её спиной.

Территория клиники была ухоженной до странности. Дорожки выложены светлой плиткой, газоны подстрижены, на клумбах не осталось ни одного увядшего цветка. На скамейках лежали одинаковые подушки. В окнах первого этажа виднелись аккуратные помещения с мягкими креслами и книжными полками.

Ни одного человека.

Елена знала, что в стационаре на двадцать четыре места невозможно добиться абсолютной тишины. Даже если пациенты чувствовали себя хорошо, где-то обязательно кто-нибудь разговаривал по телефону, спорил с медсестрой или просил принести чай. Здесь же тишина была не спокойной, а организованной.

В административном корпусе её встретила девушка в светло-сером костюме. На бейдже значилось: «Ольга. Координатор приёма».

— Добро пожаловать в “Меридиан”, Елена Викторовна. Дорога не утомила?

— Нет, спасибо.

— Доктор Ракитин освободится через несколько минут. Пока я оформлю ваш пропуск и покажу, где оставить вещи. Кофе, чай?

— Воду, пожалуйста.

Ольга подала ей стакан из стекла, а не одноразовый пластиковый. На стойке лежали буклеты с фотографиями пациентов. На всех снимках люди улыбались, но не так, как улыбаются на рекламных фотографиях. Скорее, так, как улыбаются после долгого разговора, который закончился примирением.

— У вас хорошие показатели, — сказала Елена, пробежав глазами по буклету. — Девяносто четыре процента положительной динамики за полгода.

— Девяносто шесть, — поправила Ольга. — В новом отчёте цифра уже обновлена.

— Что считается положительной динамикой?

Координатор не растерялась.

— Улучшение по шкалам, снижение выраженности симптомов, выполнение индивидуального плана и подтверждённая готовность к возвращению домой. Мы не используем один критерий для всех пациентов.

Ответ был корректным. Возможно, даже слишком корректным. Елена поставила стакан на стойку.

— А кто оценивает готовность к выписке?

— Лечащий врач совместно с консилиумом. Пациент участвует в обсуждении, а родственники — по его согласию.

— Хорошо.

Ольга протянула ей планшет с документами. Елена быстро проверила данные, поставила электронную подпись и получила пластиковую карту с фотографией. На экране было указано: «Соколова Елена Викторовна. Врач-психиатр. Допуск: корпуса А, Б, административный архив — по запросу».

— Почему архив по запросу? — спросила она.

— Там персональные данные пациентов и внутренние документы. Доступ оформляет заведующий.

— Понятно.

В этот момент из коридора вышел мужчина лет пятидесяти пяти, высокий, широкоплечий, с аккуратно уложенными седыми волосами. Его белый халат был безупречно застёгнут, на запястье блеснули часы с тёмным циферблатом.

— Елена Викторовна, — сказал он, улыбаясь. — Наконец-то познакомились лично. Виктор Андреевич Ракитин.

Его рукопожатие было коротким и уверенным.

— Рада знакомству.

— Надеюсь, вы успели оценить нашу маленькую территорию. Здесь легко забыть, что до ближайшего города всего двадцать минут.

— Пока оценила тишину.

— Это одно из наших преимуществ. Восстановление требует защищённого пространства.

Ракитин произнёс фразу без нажима, как врач, повторяющий давно проверенное объяснение. Елена пошла рядом с ним по коридору административного корпуса.

— Мы внимательно изучили вашу работу в городской клинической больнице, — продолжил он. — Особенно публикацию о длительном наблюдении пациентов с тревожными расстройствами. Вы умеете работать с теми, кто не доверяет лечению. Для нас это важно.

— Я стараюсь не воспринимать недоверие как симптом.

Ракитин повернул голову и улыбнулся чуть шире.

— Именно поэтому мы вас и пригласили.

Елена не была уверена, что это комплимент.

Они вошли в переговорную с окнами на внутренний двор. На стене висела схема клиники: административный корпус, два жилых крыла, терапевтический блок и старое здание, отмеченное серым цветом. На нём стояла подпись: «Корпус Г. Не используется».

— Здесь раньше был санаторий, — пояснил Ракитин, заметив её взгляд. — Потом здание выкупили и перестроили. Старый корпус оставили закрытым: коммуникации не соответствуют нынешним требованиям.

— А там есть архив?

— Был. Сейчас документы перенесены в электронную систему и в защищённое хранилище.

— Значит, бумажный архив всё-таки существует.

— Конечно. Закон требует хранить медицинскую документацию. Но доступ регулируется.

Ракитин предложил ей сесть и открыл тонкую папку.

— Прежде чем вы начнёте работу, я хочу объяснить, как устроена наша программа. Мы не обещаем чудес и не отменяем стандартов доказательной медицины. Пациенты получают лечение, подобранное под их состояние: психотерапию, фармакотерапию по показаниям, наблюдение, работу с семьёй. Отличие “Меридиана” — в последовательности и согласованности действий команды.

— Согласованности?

— Каждый специалист понимает, какую цель мы преследуем. Мы стараемся не создавать пациенту противоречивые ожидания. Представьте человека, который годами слышал от близких одно, от врача другое, а от работодателя третье. Он перестаёт понимать, чему доверять. Мы предлагаем устойчивую систему.

— А если пациент не согласен с предложенной целью?

— Тогда мы обсуждаем её. Цель не должна навязываться.

— Это принципиально.

— Разумеется. Поэтому у нас действует этический комитет. Вы сможете направлять туда любые вопросы. И ещё: в первые две недели мы просим новых врачей не менять планы лечения без обсуждения с заведующими отделениями. Это не ограничение клинической самостоятельности, а способ понять систему.

Елена кивнула. Такое правило можно было объяснить осторожностью, хотя оно ей не нравилось. В предыдущей больнице она слишком часто видела, как «согласованность команды» превращается в требование не задавать неудобных вопросов.

Ракитин достал из папки краткую сводку.

— Сейчас у нас семнадцать пациентов. В ближайшие дни ожидаются ещё двое. Ваш основной участок — пациенты с тревожными, адаптационными и стрессовыми расстройствами, а также сложные случаи после длительного лечения. На первых порах вы будете вести четыре истории совместно с доктором Черновым.

— Игорь Павлович Чернов?

— Да. Вы знакомы?

— Он был моим научным руководителем на клинической базе. Мы не виделись несколько лет.

— Он о вас хорошо отзывался. Правда, сейчас Игорь Павлович работает консультантом, а не штатным сотрудником.

— Почему?

— Личные обстоятельства. Он предпочитает независимый график.

Ответ прозвучал слишком быстро. Елена отметила это про себя.

После разговора Ракитин провёл её по жилому корпусу. В холле стояли диваны, у окна — стол с настольными играми. На стене висело расписание занятий: групповая терапия, прогулка, индивидуальные консультации, творческая мастерская. Всё было расписано по минутам.

— Пациентам разрешено свободно менять занятия? — спросила Елена.

— Конечно. Расписание — ориентир, а не режим казармы. Но многие предпочитают структуру. После длительного периода нестабильности она помогает.

В коридоре появилась женщина лет тридцати пяти. Она несла поднос с чашками и что-то тихо напевала. Увидев Ракитина, остановилась.

— Добрый день, Виктор Андреевич.

— Полина, познакомьтесь: доктор Соколова. Она будет работать с вами и другими пациентами отделения.

Женщина улыбнулась и протянула руку.

— Полина Грачёва. Очень рада. Тут хорошие врачи.

Елена пожала ей руку.

— Давно вы здесь?

— Три месяца. Сначала было тяжело, а теперь я наконец перестала быть проблемой для самой себя.

Фраза прозвучала естественно. Даже буднично. Но Елена запомнила её именно потому, что была слишком хорошо сформулирована.

— Что изменилось больше всего? — спросила она.

— Я перестала бороться с тем, что уже произошло. Я поняла: мне не нужно доказывать прошлое, нужно научиться жить дальше.

— Хорошая мысль. Вы сами к ней пришли?

Полина на мгновение замялась.

— Мы с доктором разбирали её на занятиях.

Ракитин мягко вмешался:

— Полина сегодня дежурит в мастерской. Не будем задерживать её.

Женщина кивнула и пошла дальше. Елена проводила её взглядом.

— Она выглядит спокойной, — сказала она.

— И чувствует себя лучше. У неё был долгий период тревоги после семейного конфликта. Сейчас готовимся к выписке.

— Она говорила, что перестала быть проблемой. Это цитата из групповой программы?

Ракитин посмотрел на Елену внимательно.

— Возможно, вы услышите похожие формулировки от других пациентов. Мы используем общую терминологию, чтобы людям было проще понимать свои изменения.

— Понимаю. Но я бы хотела видеть индивидуальные формулировки в записях.

— Разумеется.

На этом экскурсия закончилась. Ракитин проводил её до кабинета, показал систему вызова медсестры и сообщил, что после обеда состоится знакомство с текущими историями.

Оставшись одна, Елена закрыла дверь и несколько секунд стояла посреди комнаты. На столе лежали чистые бланки, одноразовые перчатки и распечатанный список пациентов. Она пробежала его глазами.

Грачёва Полина. Крылов Павел. Воронов Артём. Ещё четырнадцать фамилий.

У Воронова в графе «особые условия наблюдения» стояла маленькая отметка: «Индивидуальный режим. Контакт через лечащего врача».

Елена решила, что это может быть связано с тревожностью или конфликтным поведением, и открыла электронную карту. Система запросила дополнительное подтверждение доступа. Она приложила пропуск.

На экране появилось предупреждение: «Данные пациента № 17 частично ограничены. Для просмотра истории консультаций требуется разрешение заведующего программой».

Она перечитала сообщение. Ограничения на отдельные медицинские документы встречались в клиниках, если пациент участвовал в исследовании. Но в карте не было указано исследование, только «индивидуальный режим».

Елена закрыла окно и открыла список назначений. Там всё выглядело обыденно: препараты, которые пациент принимал до госпитализации, дневник сна, индивидуальная психотерапия, оценка тревоги. Никаких экспериментальных процедур.

Она решила начать с обычного клинического интервью. Для этого не требовалось знать всё прошлое пациента. Достаточно было услышать, как он сам описывает своё состояние.

В конце списка стояло время консультации: сегодня, 16:30. Рядом — короткая пометка, набранная не стандартным шрифтом системы, а будто вставленная из другого документа:

«Не допускать обсуждения предыдущего врача без присутствия доктора Ракитина».

Елена откинулась на спинку кресла.

Первый рабочий день ещё не закончился, а у неё уже было два вопроса. Почему в клинике с открытыми принципами так строго ограничивают обычную историю консультаций? И почему пациенту запрещено обсуждать предыдущего врача?

Возможно, причина была проста. Возможно, перед ней находился сложный случай, требующий согласованной работы команды.

Но она уже знала, что сегодня обязательно спросит об этом самого пациента.

До начала следующей консультации оставалось сорок минут. Елена решила не тратить их на чтение рекламных материалов и запросила у координатора обычную рабочую сводку по отделению. Ей выдали таблицу с фамилиями, датами поступления, назначениями и планируемыми контрольными точками. В ней не было ничего необычного, пока она не открыла колонку «индивидуальные цели».

У четырёх пациентов подряд повторялась почти одинаковая формулировка: «снижение потребности в подтверждении собственной версии событий». У двух других — «формирование устойчивого отношения к согласованной семейной истории». Елена прокрутила таблицу вверх и вниз. Формулировки отличались несколькими словами, но смысл совпадал.

Она позвала Ольгу, координатора приёма.

— Эти цели составлены лечащими врачами?

— Насколько я знаю, да. Есть шаблоны, чтобы не переписывать одно и то же.

— Шаблон может подсказать форму, но не цель лечения. Где можно посмотреть индивидуальные планы?

— В карточке каждого пациента.

— Я открыла. У нескольких они почти одинаковые.

Ольга взглянула на экран и пожала плечами.

— Наверное, потому что они проходят один модуль.

— Какой именно?

— «Согласование личной истории». Это не секрет, его название есть в расписании. Врач Чернов ведёт часть занятий.

— А кто разработал модуль?

— Доктор Ракитин и методический отдел. Ещё раньше, до меня.

Ольга говорила без беспокойства. Для неё это была обычная рабочая информация. Елена поблагодарила её и вернулась к таблице. Она понимала, что одинаковые цели сами по себе ничего не доказывают. Но в клинической работе индивидуальность пациента должна быть видна не только в фамилии и дозировке препарата.

За окном прошла группа пациентов. Они двигались по дорожке медленно, в сопровождении медсестры. Один мужчина отстал, чтобы поднять упавшую ветку. Женщина рядом остановилась и ждала его. Ничего тревожного в этой сцене не было. И всё же Елена заметила, что никто из группы не разговаривал.

Она вышла в коридор, чтобы размять затёкшую спину. Возле автомата с водой стоял пожилой мужчина в клетчатой рубашке. Он смотрел на бумажный стакан, будто не мог решить, брать ли его.

— Вам помочь? — спросила Елена.

— Нет, спасибо. Я просто жду, когда можно будет задать вопрос.

— Кому?

— Тому, кто сегодня будет дежурить. У меня в расписании написано, что в три часа мы обсуждаем семейные воспоминания. А я не хочу обсуждать семейные воспоминания. Я хочу, чтобы мне вернули фотографию.

— Какую фотографию?

— Дочери. Её забрали на первом занятии, сказали, что вернут после оценки реакции. Уже две недели прошло.

— Вы можете попросить медсестру уточнить, где она находится.

Мужчина кивнул, но не двинулся с места.

— Мне сказали, что я должен сначала объяснить, почему фотография для меня важна.

— А вы объясняли?

— Да. Но ответ записали так, будто я не хочу отпускать прошлое.

Елена ощутила, как внутри поднимается знакомое раздражение. Она осторожно спросила, как зовут мужчину. Тот назвался Николаем Сергеевичем и назвал номер палаты — двенадцатая.

— Я не могу обещать, что решу вопрос сразу, — сказала Елена. — Но могу выяснить, кто отвечает за хранение личных вещей.

— Вы новая?

— Да.

— Тогда вы ещё думаете, что вопрос можно решить.

Он произнёс это без злости. Скорее, с усталой жалостью. Елена не успела ответить: из коридора появилась Марина и позвала пациента на занятие.

— Николай Сергеевич, мы вас ждём.

— Я уже иду.

Мужчина посмотрел на Елену и тихо добавил:

— Не записывайте, что я отказался от фотографии. Я её не отдавал добровольно.

Когда он ушёл, Марина задержалась рядом.

— Вы не должны давать обещания до ознакомления с планом работы.

— Я ничего не обещала. Сказала, что выясню, где находится вещь пациента.

— Иногда сам вопрос о вещи становится частью болезненной фиксации.

— Тогда это нужно оценивать индивидуально, а не заранее.

Марина посмотрела на неё с неожиданным сочувствием.

— Вы хорошая врач, Елена Викторовна. Я это вижу. Но здесь у каждого есть своя роль. Если вы начнёте разбирать каждую мелочь, не останется времени лечить людей.

— А если мелочь важна для человека?

— Тогда её внесут в план.

— Кто решает, важна ли она?

Марина не ответила. Она только поправила бейдж и пошла следом за пациентами.

Вернувшись в кабинет, Елена открыла личные заметки и записала: «Проверить правила хранения личных вещей. Пациент Н. С. утверждает, что фотография дочери удерживается персоналом до оценки реакции. Не считать отказом от вещи без подтверждения». Затем сохранила таблицу индивидуальных целей на служебный диск, чтобы иметь возможность сравнить её с последующими версиями.

Впервые за день она почувствовала, что приехала не просто в хорошо организованную клинику. Она приехала в место, где порядок мог оказаться важнее человека.

ГЛАВА 2

Пациент номер семнадцать

К четырём часам дождь закончился. Сквозь облака пробилось холодное солнце, и длинные окна кабинета отразили двор с пустой скамейкой. Елена перечитала краткую выписку Артёма Воронова ещё раз.

Тридцать восемь лет. Высшее техническое образование. До госпитализации работал инженером по системам безопасности. Обратился после длительного нарушения сна, повышенной тревоги и трудностей с концентрацией. В анамнезе — конфликт с работодателем, развод, переезд. Госпитализация добровольная.

Заключение при поступлении было осторожным: тревожное расстройство, связанное со стрессом; требуется дифференциальная оценка. Ни тяжёлой психотической симптоматики, ни выраженной дезорганизации мышления в выписке не отмечалось.

Елену удивило другое: в разделе «цели лечения» стояли не симптомы, а формулировки о восстановлении доверия к близким, принятии прошлого и отказе от привычки «проверять чужие версии событий».

Такие цели могли быть уместны в психотерапии. Но в медицинской карте они выглядели как заранее написанный сценарий.

В шестнадцать двадцать пять постучали. В кабинет вошла Марина Белова — старшая медсестра, которую Елена уже видела утром.

— Пациент готов. Вы будете проводить встречу одна?

— Да, если нет клинических противопоказаний.

— Нет. Но доктор Ракитин просил предупредить: не затрагивайте тему предыдущего специалиста. Артём тяжело реагирует.

— В карте указано, что её нужно обсудить только в присутствии заведующего.

Марина чуть приподняла брови.

— Значит, вы уже читали примечание.

— Я читаю всё, что касается пациента.

— Это правильно, — сказала медсестра. — Просто иногда полезно знать, какие вопросы могут навредить.

— А иногда полезно знать, почему их нельзя задавать.

Марина не ответила. Она открыла дверь и пригласила пациента.

Артём Воронов вошёл без сопровождения. На нём была тёмно-синяя рубашка, застёгнутая на все пуговицы, и серые брюки. Он выглядел старше своих лет, но не измождённым. Волосы коротко подстрижены, лицо гладко выбрито. В руках он держал сложенный лист бумаги.

— Добрый день, — сказал он. — Вы новый врач?

— Елена Викторовна Соколова. Присаживайтесь.

Он сел напротив и положил лист на колени.

— Мне сообщили, что вы будете вести мою карту.

— Я буду знакомиться с вашим состоянием и вместе с вами обсуждать план лечения. Для начала хочу услышать, как вы сами оцениваете последние недели.

— Я стал лучше спать. Почти не просыпаюсь. Ем нормально. На прогулки выхожу. Не спорю с персоналом.

— А тревога?

— Бывает.

— Когда именно?

— Когда слышу, что кто-то говорит обо мне за дверью.

— Что вы в такие моменты думаете?

Артём посмотрел на её бейдж.

— Что они обсуждают, какую версию оставить.

— Версию чего?

— Моей жизни.

Елена не стала торопиться с интерпретацией. Подобные высказывания могли быть метафорой, выражением недоверия или частью более сложной симптоматики. Она спросила, что именно пациент имеет в виду.

— Вам кажется, что персонал обсуждает события вашей жизни без вас?

— Не кажется. Я знаю, что обсуждает. У них есть план. Они называют его не планом, а согласованием.

— Кто именно?

— Доктор Ракитин. Марина. И тот врач, которого в карте нет.

Елена вспомнила предупреждение в системе.

— Как его звали?

Артём внимательно посмотрел на неё. Впервые за разговор его выражение изменилось: в глазах появилось не раздражение и не тревога, а почти облегчение.

— Вы всё-таки спросили.

— Я спрашиваю о том, что важно для вашего лечения.

— Его звали доктор Левин. Лев Семёнович. Он говорил со мной в комнате без окон. Не здесь, в другом корпусе.

— Когда это было?

— Сначала я думал, что прошлой зимой. Потом нашёл запись в телефоне. Запись была сделана три года назад.

— Вы были в клинике три года назад?

— Нет. Я впервые приехал сюда два месяца назад. Но на записи я уже здесь.

— Что именно на ней?

Артём развернул лист. Это была распечатка аудиофайла — короткий текст с временными метками. Елена прочитала несколько строк: вопросы о дате, месте, имени матери, затем ответ пациента: «Я не обязан подтверждать то, что вы уже вписали».

— Откуда у вас эта распечатка?

— Я попросил копию своей карты. Мне дали не всё. Это нашёл в папке, которую оставили в палате.

— Вы можете показать оригинал записи?

— Телефон забрали на хранение в первый день. Мне сказали, что он повреждён.

— У вас есть копия?

— Нет. Есть только это.

Елена положила распечатку на стол, не делая выводов.

— Артём, я хочу уточнить одну вещь. Вы говорите, что запись сделана три года назад. Что позволяет вам так считать?

— Дата файла. И мой голос. Тогда я говорил быстрее. Сейчас я стараюсь не торопиться.

— Вы помните содержание той встречи?

— Не всё. Мне задавали вопросы о событии, которого я не помню. Я сказал, что не помню. Врач ответил, что это неважно, потому что семья уже согласовала мою версию.

— Ваша семья участвовала в лечении?

— Бывшая жена подписала согласие на контакт. Она давно не живёт со мной. Мать умерла семь лет назад.

— Тогда кто мог согласовать вашу историю?

Артём улыбнулся без радости.

— Вот именно.

Елена записала его слова. Она не стала отражать их как установленный факт, но отметила конкретные проверяемые обстоятельства: существование аудиофайла, возможную дату, наличие распечатки, отсутствие доступа к оригиналу.

— Вы сказали, что не спорите с персоналом. Почему?

— Потому что спор записывают как ухудшение. Согласие — как улучшение. Я проверил это.

— Каким образом?

— В течение недели отвечал на одни и те же вопросы по-разному. Когда соглашался, в карте появлялось «осознанное принятие». Когда задавал встречный вопрос — «фиксация на ошибочных представлениях». Когда молчал — «избегание контакта». У них нет ответа, который не стал бы доказательством их правоты.

Слова были слишком стройными. Но стройность сама по себе не свидетельствовала ни о правоте, ни о болезни. Елена продолжала задавать уточняющие вопросы.

— Что вы хотите получить от меня?

— Чтобы вы не подписывали то, чего не видели.

— Я не подписываю документы, которые не проверила.

Артём посмотрел на неё так, будто услышал не ответ, а обещание, которое уже однажды нарушали.

— Все так говорят в первый день.

Он поднялся. Встреча ещё не закончилась, но пациент явно решил, что сказал достаточно.

— Мы можем продолжить разговор завтра, — предложила Елена. — И я хотела бы, чтобы вы дали письменное согласие на запрос аудиофайла и полной копии вашей истории.

— Они не дадут.

— Это ваше право — получить сведения о своём лечении. Я помогу оформить запрос.

— Тогда они скажут, что я снова сопротивляюсь.

— Возможно. Но это не отменяет вашего права.

Артём задержался у двери.

— Доктор Соколова, можно я спрошу?

— Конечно.

— Вы читали карту до того, как вошли сюда?

— Да.

— Там уже написано, что я вам сказал?

— Нет. В карте есть краткое описание, но ваши сегодняшние слова я записываю отдельно.

— Посмотрите на последнюю страницу. Не в моих заметках. В служебном разделе.

Елена открыла электронную карту. Последняя страница была доступна только в режиме чтения. Внизу находилась строка: «Контакт с новым лечащим врачом. Соколова Е. В. Предварительная оценка: высокая вероятность профессионального сопротивления программе. Рекомендовано наблюдение за реакцией на пациента № 17».

Дата записи — за три недели до сегодняшнего дня.

Она перечитала строку. Подписи не было. В графе автора стояло: «Служебная система».

— Что там? — спросил Артём.

Елена закрыла карту.

— Это нужно проверить.

Он кивнул, будто иного ответа не ожидал.

— Они уже внесли вас в мою историю, доктор.

— Кто?

— Те, кто знает, что вы придёте.

Артём вышел. Марина ждала в коридоре. Она посмотрела на Елену, затем на пациента.

— Всё прошло спокойно?

— Мы продолжим завтра.

— Хорошо. Доктор Ракитин просил зайти к нему после консультации.

Елена выключила монитор и убрала распечатку в папку. Она чувствовала не страх, а раздражение — то профессиональное раздражение, которое возникало, когда кто-то пытался заранее подсказать врачу, что он должен увидеть.

На этот раз подсказка была слишком прямой.

После групповой встречи Чернов предложил пройтись по внутреннему двору. Дождь прекратился, но дорожки оставались мокрыми. На краю газона стояла деревянная беседка; в ней двое пациентов играли в шахматы, почти не разговаривая.

— Ты стала осторожнее, — сказал Чернов.

— А вы стали говорить уклончивее.

Он улыбнулся, но сразу отвёл взгляд.

— Возможно, мы оба стали старше.

— Игорь Павлович, вы помните, как появился модуль «Согласование личной истории»?

— Помню. Его разрабатывали как программу семейной терапии. Идея была в том, чтобы отделить проверяемые факты от интерпретаций, а затем помочь человеку говорить о конфликте без бесконечного повторения травмирующей сцены.

— Это разумная задача. Но сейчас пациенты говорят не о том, как они понимают события, а о том, что им нужно принять одну согласованную версию.

— Я слышал такие формулировки.

— Они из методички?

— Некоторые — да. Не все.

— Почему они попадают в карты как самостоятельные выводы пациентов?

Чернов остановился возле беседки. Игроки подняли головы, но тут же вернулись к шахматам.

— В любой программе есть риск, что язык специалиста станет языком пациента. Это не всегда плохо. Человек может пользоваться словами, которые ему помогли. Но если формулировка подменяет переживание, это уже проблема.

— Вы говорили об этом Ракитину?

— Говорил.

— И что он ответил?

— Что мы должны оценивать результат, а не стиль речи.

— А вы согласились?

Чернов долго смотрел на мокрую дорожку.

— Тогда я хотел согласиться. У нас были пациенты, которым действительно становилось лучше. Люди впервые за годы начинали спать, возвращались к работе, восстанавливали отношения. Мне хотелось верить, что программа работает.

— А потом?

— Потом я увидел, что улучшение иногда измеряют не тем, что человеку стало легче, а тем, что он перестал возражать.

Елена молчала. Чернов продолжил:

— Однажды у нас была пациентка, назовём её Нина. Она несколько лет не общалась с братом. В процессе терапии выяснилось, что брат действительно причинил ей вред. Но семья хотела примирения. На встречах Нина сначала говорила, что не готова. Потом — что ей нужно время. Через три занятия она произнесла правильные слова о принятии и восстановлении контакта. В отчёте это назвали прорывом.

— А что было на самом деле?

— Она подписала согласие на семейную встречу, потому что ей сказали: иначе выписку отложат. Позже отказалась от встречи. В карте осталось первое согласие и запись о «готовности к диалогу». Её отказ попал в раздел нежелательных реакций.

— Вы видели это?

— Я был на консилиуме.

— И не возразили?

Он посмотрел на неё. Впервые за разговор в его лице проступила настоящая усталость.

— Возразил. Но недостаточно громко. Потом ушёл из штатной команды и оставил себе только консультационные часы. Я говорил себе, что так смогу помогать хотя бы отдельным людям. Возможно, это была удобная ложь.

— А Левин?

— Левин не был удобным человеком. Он считал, что если медицинский документ превращает предположение в факт, это уже не ошибка оформления, а вмешательство в судьбу пациента.

— Что с ним случилось?

— Он начал собирать копии карт. После этого доступ к архиву закрыли. Через некоторое время его перестали приглашать на консультации.

— Он уволился?

— Внешний консультант не увольняется. Просто однажды ему перестают звонить.

— Вы знаете, где он сейчас?

Чернов покачал головой.

— Нет. Последний раз мы виделись в старом корпусе. Он просил меня передать одному пациенту, что документы важнее воспоминаний только тогда, когда документы проверяемы. Я не понял, кому именно. Через неделю пропуск Левина перестал работать.

— Почему вы не сообщили об этом?

— Кому? Руководству? Они знали. В полицию? У меня не было фактов преступления. Коллегам? Большинство считало, что Левин конфликтовал с администрацией из-за личной обиды.

Елена остановилась.

— А вы?

— Я думал, что смогу разобраться позже.

Они вернулись к корпусу. На крыльце стоял Ракитин. Он заметил их и поднял руку в приветствии.

— Игорь Павлович, можно вас на минуту?

Чернов кивнул.

— Елена, мы продолжим разговор позже, — сказал он. — И ещё: не делайте из Воронова единственный источник информации. Он может говорить правду, но это не означает, что вся его версия полна.

— Я и не собираюсь.

— Хорошо. Тогда ищите документы. Только не оставайтесь с этим одна.

Он пошёл к Ракитину. Елена смотрела им вслед, пока оба не скрылись за стеклянными дверями.

В кабинете она открыла служебный справочник и ввела фамилию Левин. На этот раз система предложила не сотрудника, а запись в разделе «архивные мероприятия». В списке значилось: «Разбор клинической документации. Ведущий — Л. С. Левин. Участники — И. П. Чернов, В. А. Ракитин, М. А. Белова». Дата — четыре года назад.

Елена сохранила страницу. Значит, Левин не был случайным консультантом, которого никто не помнил. С ним работали все трое людей, от которых теперь зависел её доступ к истории пациента № 17.

ГЛАВА 3

Общие слова

Вечером Елена должна была присутствовать на групповой встрече в качестве наблюдателя. По правилам клиники новые сотрудники первые несколько дней не вмешивались в терапевтический процесс, если не возникало угрозы безопасности. Ей казалось разумным сначала увидеть, как устроена работа команды.

Групповая комната находилась в терапевтическом корпусе. В ней было восемь кресел, низкий стол и большое окно с видом на внутренний двор. На стене висела репродукция спокойного морского пейзажа. Никаких медицинских плакатов, часов или ярких предметов.

Психотерапевт Игорь Чернов сидел сбоку от круга. Елена узнала его сразу, хотя он заметно постарел. Он был худее, чем в те годы, когда руководил её клинической практикой, а волосы почти полностью поседели. Но глаза оставались прежними — внимательными и немного насмешливыми.

— Елена, — сказал он, поднимаясь. — Давно не виделись.

— Игорь Павлович.

Они пожали друг другу руки. Чернов не стал обнимать её и не спросил о личном. Елена оценила эту сдержанность.

— Как вам первый день?

— Плотный.

— Это мягкое слово для “Меридиана”. Здесь умеют занять человека.

— Я уже заметила.

Чернов посмотрел на неё чуть дольше, чем требовалось, затем предложил занять место у стены.

В комнату вошли пять пациентов. Полина Грачёва, которую Елена уже встречала, заняла кресло возле окна. Рядом сел мужчина лет пятидесяти — Павел Крылов, бывший преподаватель истории. Он поздоровался с Черновым и аккуратно положил на колени блокнот. Остальные трое были незнакомы Елене.

— Сегодня поговорим о том, как человек понимает, что изменения стали его собственными, — начал Чернов. — Не потому, что этого ждут родственники, врач или начальник, а потому, что он сам видит разницу.

Полина подняла руку.

— Для меня это момент, когда я перестала быть проблемой для самой себя.

Елена посмотрела на неё. Та же фраза, что утром в коридоре.

— Можете рассказать, что вы вкладываете в эти слова? — спросил Чернов.

— Раньше я всё время пыталась доказать, что со мной поступили несправедливо. Я возвращалась к одному и тому же разговору, снова и снова. Теперь понимаю: я могу не соглашаться с прошлым, но не обязана жить внутри него.

Чернов кивнул. Павел Крылов записал что-то в блокнот.

— А вы, Павел?

— У меня похожее ощущение, — ответил тот. — Я перестал требовать, чтобы события имели только одну трактовку. Иногда важно принять общую картину и не цепляться за детали.

— Что вы называете деталями?

— Несущественные расхождения. Кто что сказал, в какой день, в каком порядке. Они мешают увидеть главное.

— Всегда ли? — спросила Елена, не удержавшись.

Чернов взглянул на неё. В его лице не было раздражения, скорее просьба дать группе закончить мысль.

— В некоторых ситуациях детали важны, — ответил Павел. — Но если постоянно возвращаться к ним, можно не заметить, что ты давно живёшь не там, где должен.

— А кто определяет, где человек должен жить? — спросила Елена.

Павел закрыл блокнот.

— В конечном счёте он сам. Но не в одиночку. Иногда близкие видят то, что ты не замечаешь.

В разговор вступила женщина с короткой стрижкой. Она сказала, что после лечения впервые за много лет смогла разговаривать с дочерью без взаимных обвинений. Другой пациент признался, что начал снова выходить из дома. Истории были разными и по отдельности звучали убедительно.

Елена слушала, стараясь не превращать наблюдение в охоту за совпадениями. Общие слова могли быть следствием общей терапии. Люди усваивали понятия, которые обсуждали на занятиях, повторяли удачные формулировки, искали язык для пережитого. Это не было чем-то необычным.

Но затем прозвучала третья фраза.

— Я наконец понял, что прошлое не нужно доказывать, — сказал мужчина с седой бородой. — Нужно научиться жить с той версией, которая помогает двигаться дальше.

Елена подняла глаза.

— С какой именно версией?

Мужчина помедлил.

— С согласованной.

В комнате стало тихо. Чернов мягко повернулся к нему.

— Что для вас значит “согласованная”?

— Та, которую можно рассказать без того, чтобы снова причинять всем боль.

— Вы сами выбрали её?

— Мы пришли к ней вместе.

— Кто — “мы”?

— Я, семья и специалисты.

Елена отметила, что пациент не назвал ни одного конкретного события. Не потому, что скрывал его, а будто сама формулировка была важнее содержания.

Чернов перевёл разговор на тему личных границ. Группа продолжила обсуждение. В какой-то момент Полина заговорила о том, как трудно было перестать проверять сообщения бывшего мужа. Павел вспомнил конфликт с коллегами. Всё это было вполне конкретно, но каждый раз, когда речь заходила о спорных фактах, участники возвращались к словам о принятии общей версии.

После встречи пациенты ушли на ужин. Елена осталась в комнате вместе с Черновым.

— Вы заметили? — спросила она.

— Что именно?

— Они используют одинаковые обороты. “Перестать быть проблемой”. “Согласованная версия”. “Не доказывать прошлое”. Это не просто общая терминология. Они произносят её в одних и тех же местах разговора.

Чернов сложил блокнот.

— Люди учатся говорить на языке терапии. Это нормально.

— Но язык терапии должен помогать описывать личный опыт, а не заменять его.

— Согласен.

Елена посмотрела на него.

— Вы тоже это заметили?

— Конечно.

— И вас это не беспокоит?

Чернов не ответил сразу. Он подошёл к окну, где отражались пустые кресла.

— Беспокоит. Но не каждое совпадение означает нарушение. В группе есть структура. Мы используем повторяющиеся понятия, чтобы пациентам было проще переносить навыки за пределы клиники.

— А если они начинают повторять не навыки, а выводы, которые им предложили?

— Тогда это вопрос к тому, как именно ведётся терапия.

— Кто ведёт индивидуальные сессии с пациентом № 17?

Чернов медленно повернулся.

— Почему вы спрашиваете?

— Он упомянул доктора Левина. Я хочу проверить, существовал ли такой специалист.

— Существовал.

— Вы его знали?

— Да. Он был хорошим врачом.

— Что с ним случилось?

Чернов опустил взгляд на блокнот.

— Он ушёл из клиники.

— Когда?

— Давно.

— В карте пациента есть записи, которые выглядят как более поздние консультации.

— Возможно, записи перенесли из архива.

— Тогда почему в электронной истории нет его имени?

Чернов на секунду закрыл глаза.

— Елена, ты пришла сюда работать, а не расследовать чужие дела.

— Если чужое дело влияет на лечение моего пациента, оно становится моим.

— Не всё, что пациент говорит, нужно немедленно превращать в факт.

— Я не превращаю. Я проверяю.

Чернов взял со стола папку и направился к двери.

— Поговори с Ракитиным. Он объяснит, почему доступ к этой истории ограничен.

— Я уже говорила. Он предложил не беспокоить пациента.

— Тогда, возможно, стоит услышать его до конца.

— А вы?

Чернов остановился на пороге.

— А я скажу тебе только одно: не обещай пациенту того, чего не сможешь выполнить. Особенно здесь.

Он ушёл, оставив Елену одну.

На столе лежал лист с темами занятия. Внизу, мелким шрифтом, была напечатана фраза: «Я могу не соглашаться с прошлым, но не обязан снова его доказывать».

Елена перечитала её. Эта формулировка была почти дословно той, которую произнесла Полина.

Она перевернула лист. На обороте стоял номер версии документа и дата утверждения: три года назад.

В верхнем углу был логотип клиники, которого на утренних буклетах не было. Под ним — название программы: «Согласование личной истории. Модуль 4».

Елена сфотографировала лист на служебный телефон и положила его на место.

Возможно, это был обычный материал для групповой терапии. Но если так, почему его формулировки появлялись в медицинских картах как спонтанные высказывания пациентов?

В тот же день Елена решила проверить, как устроен перенос бумажных документов. Для этого ей нужен был не доступ к закрытому архиву, а обычная информация о порядке хранения. Она позвонила в архивный отдел по внутреннему номеру, указанному в справочнике.

Трубку сняли после пятого гудка.

— Архив. Федорова.

— Добрый день. Елена Соколова, врач отделения. Мне нужна консультация по порядку запроса старых историй болезни.

— Вы уже подавали заявку?

— На конкретную карту — да. Сейчас хочу узнать, как оформляется доступ к документам бывших консультантов.

На другом конце провода послышался шелест бумаги.

— Если консультант был оформлен официально, документы находятся в личном деле. Если нет — в папке проекта или в архиве подразделения.

— А если проект закрыт?

— Тогда должна быть опись передачи.

— Можно посмотреть опись по программе «Согласование личной истории»?

Федорова помолчала.

— По какой дате?

— Примерно четыре года назад.

— Вы врач Воронова?

— Да.

— Тогда приходите лично. По телефону я не могу подтверждать наличие таких документов.

— Когда можно подойти?

— После четырёх. Только не через центральный вход. Архив в старом административном крыле.

Елена записала адрес внутреннего прохода и время. Разговор был коротким, но в нём впервые прозвучало не уклонение, а готовность помочь.

Старое административное крыло соединялось с новым корпусом узким переходом. Здесь было прохладно, пахло картоном и мебельной полиролью. На двери архива висела табличка «Посторонним вход воспрещён», но рядом стоял звонок.

Елена нажала его. Через несколько секунд дверь открыла женщина лет шестидесяти с короткими седыми волосами и очками на цепочке.

— Доктор Соколова?

— Да. Вы Федорова?

— Светлана Николаевна. Проходите, только аккуратно: здесь коробки в проходе.

Архив оказался не похож на кинематографическое хранилище тайн. Обычные металлические стеллажи, коробки с индексами, два компьютера, рабочий стол и электрический чайник. В углу стоял принтер, который издавал сухой щелчок после каждого листа.

— Что именно вам нужно? — спросила Федорова.

— Опись документов по программе «Согласование личной истории» и сведения о внешнем консультанте Левине.

— Ох, — сказала архивистка. — Вы начинаете с непростого.

— Почему?

— Потому что по этой программе часть документов передавали в методический отдел, часть — в медицинский архив, а часть оставили в отделении. Потом меняли систему. Получился беспорядок.

— Значит, документы могли быть утрачены?

— Могли. Но не все. Я веду собственную опись, потому что однажды у нас пропала целая коробка с актами уничтожения. После этого я стала хранить копии описей отдельно.

Она открыла шкаф и достала толстую папку. Внутри лежали распечатанные таблицы, накладные и акты. Федорова перелистывала их быстро, пока не остановилась на нужном разделе.

— Вот. «Модуль согласования». Четыре года назад. Передача материалов из кабинета групповой терапии в архив. Ответственный — доктор Левин.

Елена наклонилась к листу. Внизу стояла подпись: «Л. С. Левин». Рядом — вторая подпись, неразборчивая, с инициалами И. Ч.

— Чернов?

— Похоже. А вот здесь подпись Ракитина. Он согласовал закрытие рабочей группы.

— Можно сделать копию?

— Сначала нужно получить разрешение. Но я могу показать вам опись.

Елена прочитала строку ниже. В ней говорилось, что часть материалов возвращена в отделение для «дальнейшего индивидуального сопровождения». Номера папок: 17, 21, 24, 31. У папки № 17 стояла отметка: «Не включать в общий реестр. Доступ по согласованию руководителя программы».

— Почему папка исключена из общего реестра?

Федорова пожала плечами.

— Не знаю. Тогда говорили, что это рабочие материалы, не медицинские документы.

— Но в них могли быть записи о пациентах?

— Если это касается лечения, должно быть в истории болезни. Рабочие материалы не должны заменять клиническую запись.

— А если заменяли?

Архивистка посмотрела на неё поверх очков.

— Тогда это вопрос не ко мне. Я только храню то, что мне передают.

Елена сфотографировала опись с разрешения Федоровой. Затем заметила ещё одну строку, добавленную от руки: «При запросе пациента № 17 выдавать копии только после сверки с перечнем согласованных формулировок».

— Что это значит?

— Не знаю. Похоже на инструкцию из отделения.

— Кто её написал?

Федорова поднесла лист ближе к свету.

— Буквы похожи на Марину Белову. Она тогда часто приносила документы. Но я не уверена.

Елена почувствовала, как пазл начинает складываться, но пока без изображения. Левин собирал документы, Чернов участвовал в рабочей группе, Ракитин закрыл её, а часть материалов по пациенту № 17 вывели из общего реестра.

— Светлана Николаевна, вы помните самого Левина?

— Конечно. Он приходил сюда почти каждый день. Просил не уничтожать черновики и всегда проверял, чтобы к акту была приложена опись.

— Он говорил, почему это так важно?

— Сказал однажды: «Самое опасное в бумагах — не то, что в них написано. А то, что после них перестают спрашивать». Я тогда не поняла.

— А потом он перестал приходить?

— В один день просто не появился. Через неделю за его коробками пришли двое сотрудников. Я попросила накладную. Мне сказали, что всё заберут по распоряжению директора. Но часть папок уже была отмечена как переданная в отделение.

— Вы видели, кто забирал?

— Нет. Я была на больничном. Когда вернулась, коробок не было.

Федорова закрыла папку и положила её на стол.

— Доктор, я не хочу вмешиваться в вашу работу. Но если вы ищете старые документы, не подписывайте акт о том, что получили полный комплект, пока не проверите перечень. У нас однажды так закрыли недостачу.

— Кто подписал?

— Не помню. Но копия акта должна быть в журнале выдачи.

Она достала ещё одну папку. На нужной странице значилась дата передачи и подпись получателя. Имя было напечатано: «Е. В. Соколова».

Елена застыла.

— Это невозможно.

— Почему?

— Я тогда не работала здесь. Я даже не знала об этой клинике.

Федорова подвинула лист ближе. Дата стояла за три недели до того, как Елене впервые позвонили из «Меридиана». Подпись была не похожа на её почерк, но фамилия и инициалы совпадали.

— Может быть, однофамилица? — предположила архивистка.

— Может быть. Но в списке сотрудников другой Соколовой нет.

Внизу акта стояла ссылка на приложение, которого в папке не было. Рядом карандашом написано: «Передано лично. Не сканировать».

Елена сфотографировала лист и поблагодарила Федорову.

— Если найдёте приложение, сообщите мне, пожалуйста.

Архивистка кивнула.

— Только будьте осторожны с тем, что считаете своим именем. Здесь иногда фамилии появляются раньше людей.

Елена вышла из архива с ощущением, что воздух в коридоре стал плотнее. Она не верила в мистические объяснения, но теперь у неё было документальное подтверждение: кто-то использовал её имя до того, как она согласилась на работу.

ГЛАВА 4

Имя в закрытом разделе

Утром Елена пришла в клинику раньше остальных. Она хотела проверить запись о докторе Левине до того, как начнётся поток консультаций. В административном корпусе было тихо. Дежурный охранник поднял голову от монитора, увидел её пропуск и снова опустил взгляд.

Система электронных историй пациентов открывалась только через защищённый терминал. Елена ввела свои данные, прошла двухфакторную проверку и открыла карту Воронова. Раздел консультаций по-прежнему был закрыт.

Она отправила запрос на доступ, указав клиническую необходимость: пациент сообщил о наличии аудиозаписи предыдущей консультации, дата и автор которой не подтверждены. Для оценки состояния требуется сопоставить сведения с медицинской документацией.

Система выдала номер заявки: 00418. Статус — «на согласовании».

Елена посмотрела на цифры. Четыреста восемнадцать. Случайное совпадение, но после вчерашнего разговора с Артёмом она уже относилась к совпадениям осторожно.

Она открыла общий штатный справочник. В списке действующих и бывших сотрудников доктора Левина не было. Поиск по фамилии выдал двух человек из других филиалов и старую запись в журнале обучения: «Левин Л. С. — внешний консультант, семинар по клинической документации».

Дата семинара — четыре года назад.

В электронной системе не было ни договора, ни приказа о приёме, ни записи об увольнении. Это не доказывало, что он не работал в клинике: внешние специалисты могли не числиться в штате. Но тогда следовало найти договор или хотя бы протокол консультации.

Елена распечатала справку и направилась к Марине Беловой.

Старшая медсестра находилась в процедурной. Она проверяла маркировку контейнеров и разговаривала с молодой сотрудницей. Увидев Елену, закончила разговор и сняла перчатки.

— Что-то случилось?

— Мне нужна информация о докторе Левине. Лев Семёнович. Он проводил консультации в клинике несколько лет назад.

Марина вытерла руки салфеткой.

— Я уже говорила: он был внешним консультантом.

— В каком году?

— Точно не помню.

— Сколько времени работал?

— Недолго.

— Почему перестал?

— Не знаю. Такие вопросы лучше задавать руководству.

— Я задавала. Мне сказали, что вы знаете, где найти документы.

Марина задержала взгляд на распечатке.

— Кто вам это сказал?

— Никто. Я пытаюсь восстановить историю лечения пациента.

— Артём Воронов не должен заниматься старой документацией.

— Он имеет право знать, кто проводил его консультации.

— Если эти консультации действительно проводились.

Елена посмотрела на неё.

— Вы хотите сказать, что их не было?

— Я хочу сказать, что пациент может ошибаться в датах и именах. Такое случается.

— Тогда почему это имя отсутствует в карте, если он был консультантом?

— Возможно, документы перенесли в архив.

— Где архив?

Марина не ответила.

Елена поняла, что разговор зашёл в тупик. Она поблагодарила медсестру и направилась обратно в кабинет.

По дороге её остановила Полина Грачёва. Женщина держала в руках чашку и выглядела бодрой.

— Доктор, можно спросить? Вы сегодня будете проводить консультации?

— Да. У вас есть вопросы по лечению?

— Нет, не по лечению. Просто я хотела узнать, когда меня выпишут.

— Решение пока не принято. Мы обсудим его на ближайшем консилиуме.

Полина кивнула, но не ушла.

— Вы разговаривали с Артёмом?

— Да.

— Он вам что-нибудь рассказывал?

— Я не обсуждаю содержание консультаций с другими пациентами.

— Конечно. Я просто подумала, что он опять будет говорить про врача, которого не было.

— Вы слышали об этом раньше?

Полина отвела глаза.

— Он всем рассказывает. Сначала про доктора Левина, потом про записи, потом про то, что его историю переписывают. Ему трудно принять, что некоторые вещи не зависят от него.

— Вы знакомы с доктором Левиным?

— Нет. Но доктор Чернов объяснял нам, что память не всегда надёжна. Особенно когда человек долго переживает стресс.

— Это верно. Но память можно проверять по документам.

Полина улыбнулась.

— А если документы тоже ошибаются?

Вопрос прозвучал спокойно. Елена ответила не сразу.

— Тогда мы ищем независимые источники.

— Вы думаете, здесь есть независимые источники?

Полина сделала глоток чая и ушла, оставив Елену с этим вопросом.

В кабинете она открыла служебный портал и отправила запрос в архивный отдел. Через двадцать минут пришёл ответ: «Запрашиваемые сведения могут содержать персональные данные третьих лиц. Требуется согласование медицинского директора».

Елена позвонила Ракитину.

— Виктор Андреевич, я направила запрос по истории консультаций Воронова.

— Да, я видел уведомление.

— Мне нужен доступ к документам внешнего специалиста, доктора Левина.

— Елена Викторовна, давайте встретимся после обеда. Это деликатный вопрос.

— В чём его деликатность?

— В том, что пациент находится в состоянии, когда неопределённость усиливает тревогу. Мы не хотим создавать ложные ожидания.

— Я не собираюсь создавать ожидания. Я хочу проверить источник записи.

— Хорошо. В пятнадцать часов.

Виктор Андреевич отключился.

Елена открыла черновик медицинской записи и описала встречу с Артёмом. Она указала, что пациент сообщил о существовании аудиофайла, назвал предполагаемого специалиста и время консультации. Отдельно отметила, что подтверждение данных пока отсутствует. Она не использовала слов «бред», «галлюцинации» или «ложная память» — оснований для таких выводов не было.

Система предложила выбрать код клинического наблюдения. Среди вариантов были «фиксация на прошлых событиях», «недоверие к персоналу», «нарушение критической оценки». Елена выбрала нейтральное: «сообщение пациента о спорных обстоятельствах лечения; требуется проверка документации».

Перед сохранением всплыло предупреждение: «Введение формулировки не соответствует рекомендованному шаблону программы. Продолжить?»

Елена нажала «Продолжить».

Через несколько секунд документ сохранился. Внизу появилась строка: «Запись направлена на проверку корректности».

Она подняла глаза на часы. До встречи с Ракитиным оставалось два часа.

Елена достала из сумки блокнот, который всегда носила с собой. На первой странице записала четыре вопроса: кто такой Левин; где оригинал аудиофайла; почему в карте заранее указана её фамилия; кто утвердил модуль «Согласование личной истории».

Затем добавила пятый: почему пациент № 17 так уверен, что она должна появиться именно сейчас?

Внизу страницы она поставила дату. Ей казалось важным зафиксировать, когда именно вопросы возникли. Если позже кто-нибудь скажет, что она придумала их под влиянием пациента, у неё останется собственная запись.

До конца смены оставалось меньше часа. Елена вернулась в кабинет и ещё раз проверила запись о предварительном согласии на перевод. Статус изменился: «Ожидает подтверждения лечащего врача». Система предлагала две кнопки — «Подтвердить» и «Вернуть на доработку».

Она выбрала вторую и написала: «С пациентом вопрос перевода не обсуждался. Подтверждение согласия отсутствует. Просьба предоставить первичный документ или удалить отметку о согласовании».

Через минуту пришло уведомление: «Запрос принят. Ответственный — медицинский директор».

Елена открыла список документов, выданных ей при оформлении. Там находилось и правило о согласованной терминологии. Она внимательно прочитала его ещё раз. В одном из пунктов говорилось, что врач при описании высказываний пациента должен отделять прямую речь от клинической интерпретации. Это было разумно. Но следующий пункт предписывал использовать «утверждённые формулировки программы» для оценки динамики.

Елена открыла бумажный экземпляр, положила рядом распечатку архивной описи и сравнила даты. Оба документа были связаны с одним и тем же модулем. В архивной версии программа называлась «Согласование личной истории», в нынешней — «Восстановление личной автономии». Название изменилось, структура осталась.

Внизу старого документа стояло имя разработчика: «Л. С. Левин». Ниже — «Методическое сопровождение: И. П. Чернов». На нынешнем документе фамилии Левина не было вовсе.

Она сфотографировала обе страницы и отправила себе в личный защищённый архив, не прикрепляя документы к переписке клиники. Затем отключила служебный экран и закрыла кабинет.

У входа в жилой корпус её догнал Чернов.

— Ты уже уходишь?

— Да. Сегодня у меня достаточно материала для размышлений.

— Нашла что-нибудь?

— Опись старой рабочей группы. Левин был её руководителем. Там же есть подписи Ракитина и ваша.

Чернов остановился.

— Светлана Николаевна показывала?

— Да.

— И что ещё?

— Акт передачи документов на имя Е. В. Соколовой, датированный временем, когда я ещё не работала в клинике.

Чернов не удивился. Это было заметнее любого испуга.

— Вы знаете об этом?

— Нет. Но теперь понимаю, почему Левин пытался связаться с тобой.

— Он пытался?

— Перед тем как уйти, он оставил несколько конвертов. Один был адресован тебе. Я не знал, отдать ли его. Ракитин сказал, что это ошибка и никакой Соколовой в списке не было.

— Где конверт?

Чернов покачал головой.

— Не у меня. Левин оставил его в кабинете старого корпуса. Я не смог вернуться туда после закрытия здания.

— Почему?

— Потому что мне сказали, что там больше нет документов. А потом сменили замки.

— Вы можете показать, где этот кабинет?

— Не сейчас. Нам нужно сначала понять, что именно происходит с Вороновым.

— А если конверт связан с ним?

— Тогда тем более нельзя действовать в одиночку.

Елена посмотрела на наставника.

— Вы всё время говорите мне быть осторожной, но ни разу не сказали, что именно вы боитесь потерять.

Чернов устало улыбнулся.

— Не работу. С ней я уже расстался. Боюсь снова ошибиться в оценке человека. Левин считал, что я видел проблему и отвернулся. Возможно, он был прав.

— Вы можете исправить это сейчас.

— Возможно. Но не обещай себе, что правда окажется удобной.

Они расстались у выхода. Елена прошла к парковке, села в машину и только тогда заметила, что в кармане пальто лежит сложенная записка. Бумага была плотной, без конверта. На ней не было подписи.

«Если вам дали подписать согласие на программу, сначала спросите, кто будет читать ваши ответы».

Она перевернула лист. На обратной стороне стоял номер: 17.

Елена оглядела парковку. У дальнего корпуса никого не было. Только в окне второго этажа горел свет.

Она достала телефон и позвонила на пост медсестёр.

— Это доктор Соколова. Кто сегодня дежурит в семнадцатой палате?

— Пациент Воронов? Сейчас Марина Белова.

— Передайте, пожалуйста, что я хочу поговорить с ним завтра до группового занятия.

— Хорошо. Что-нибудь срочное?

— Пока нет.

Она отключилась, но не убрала телефон. В списке последних вызовов появился пропущенный звонок с неизвестного номера. Время — 18:41. За минуту до создания предварительного согласия.

Елена нажала на номер. Автоответчик сообщил, что абонент временно недоступен. Она попробовала снова — тот же результат.

Когда машина выехала за ворота, на экране телефона появилось новое сообщение с незнакомого адреса электронной почты. В теме было написано: «Не подписывайте за него».

Внутри находился один файл — скан старого бланка согласия. В верхней части стоял логотип «Меридиана», в нижней — подпись пациента. Елена увеличила изображение.

Подпись принадлежала Артёму Воронову. Дата — сегодняшняя. Но под ней стояла ещё одна строка: «Согласие на участие в программе завершения лечения и передачу материалов членам семьи».

В графе «представитель пациента» было указано имя, которое Елена не знала: «Надежда Викторовна Соколова».

Елена почувствовала, как пальцы похолодели. Её мать звали Надеждой Викторовной. Она умерла одиннадцать лет назад.

Скан был низкого качества, но подпись под строкой представителя казалась настоящей. Елена помнила её по старым открыткам и школьным заявлениям.

Она остановила машину на обочине и ещё раз открыла файл. Внизу мелким шрифтом стоял номер приложения: «ЛС-17/С-04». Тот же индекс, который она видела в архивной описи рядом с папкой, исключённой из общего реестра.

В машине было тихо. По стеклу ползли капли. Елена не могла решить, что страшнее: то, что кто-то подделал подпись умершей матери, или то, что подпись могла быть настоящей — на документе, который никогда не должен был существовать.

Телефон завибрировал. Сообщение пришло с того же адреса.

«Не отвечайте на звонок из клиники. Сначала найдите оригинал».

Елена не ответила. Она сохранила файл в защищённую папку и отправила копию на личный почтовый адрес. Затем выключила экран и продолжила путь.

Через несколько минут позвонил Ракитин.

Она смотрела на его имя на дисплее, пока вызов не прекратился.

Почти сразу пришло сообщение: «Елена Викторовна, нам нужно обсудить ваше сегодняшнее поведение. Завтра в 8:30. Не опаздывайте».

Она не стала отвечать. На следующем светофоре открыла календарь и внесла встречу. В заметках написала: «Попросить письменное объяснение подписи матери. Не передавать оригиналы без описи. Уточнить у пациента, кому он разрешал сообщать сведения».

Затем добавила ещё одну строку: «Проверить, почему имя матери связано с программой».

Впервые за день Елена подумала, что могла согласиться на эту работу не только из-за хорошей репутации клиники. Возможно, кто-то заранее знал, что она не сможет пройти мимо старого документа с подписью матери.

Она вспомнила слова Чернова: «Не обещай себе, что правда окажется удобной».

И поняла, что завтра ей придётся начать с самого трудного вопроса: почему мёртвая женщина дала согласие на лечение человека, которого никогда не знала?

ГЛАВА 5

Предварительное согласие

Встреча с Виктором Ракитиным состоялась в его кабинете, расположенном на втором этаже административного корпуса. Из окна открывался вид на старый корпус Г. Дождь снова начался, и его серые стены казались темнее, чем на схеме клиники.

На столе Ракитина стояли две чашки и графин воды. Он предложил Елене кофе, но она отказалась.

— Я посмотрел ваш запрос, — начал он. — И понимаю, почему вы хотите получить доступ к документам. Но история Левина связана с внутренним разбирательством, которое завершилось несколько лет назад.

— Какого рода разбирательством?

— Профессиональный конфликт. Внешний консультант не соблюдал согласованный порядок ведения документации, вступал в противоречия с командой, давал пациентам обещания, которые клиника не могла гарантировать. После этого сотрудничество прекратили.

— Он продолжал работать с Вороновым после прекращения договора?

— Нет. По крайней мере, официально.

— Но в карте есть запись о консультации.

— В какой именно?

— Пациент предоставил распечатку. В электронном разделе указано, что запись существовала три года назад, но самого файла нет.

Ракитин слегка откинулся на спинку кресла.

— Елена Викторовна, вы должны учитывать, что пациент может предъявлять материалы, подлинность которых не подтверждена. Мы не можем строить лечение на каждом листе бумаги.

— Я и не строю. Я прошу подтвердить, проводил ли Левин консультации.

— Он проводил несколько учебных и супервизионных встреч. К Воронову мог иметь отношение как консультант, но лечащим врачом не являлся.

— Тогда почему Артём называет его своим врачом?

— Возможно, так пациент интерпретировал разовую беседу.

— Почему эта беседа не отражена в доступной части карты?

Ракитин скрестил пальцы.

— Потому что старый формат документации отличался от нынешнего. Мы переносили данные из нескольких систем. Часть записей была признана дублирующейся, часть — не имеющей медицинской ценности.

— Кто принимал решение?

— Комиссия.

— Есть протокол?

— Разумеется.

— Я могу с ним ознакомиться?

— После согласования юридического отдела.

Елена посмотрела на него. Он отвечал спокойно, без раздражения. Но каждое объяснение заканчивалось новым условием.

— И ещё один вопрос. Почему в карте Воронова есть запись обо мне за три недели до того, как я пришла на работу?

Впервые Ракитин не ответил сразу.

— Покажите, пожалуйста.

Елена достала планшет и открыла служебный раздел. Ракитин прочитал строку, затем вернул устройство.

— Это предварительная запись в системе планирования.

— Но там есть оценка моей профессиональной реакции на пациента.

— Вероятно, вы смотрите шаблон оценки нового сотрудника.

— В нём указано моё имя и конкретный номер пациента.

Ракитин вздохнул.

— В клинике заранее распределяют нагрузку. При подборе кандидатов мы сопоставляем опыт врача с текущими случаями. Возможно, кто-то заполнил форму до официального оформления. Это техническая ошибка, а не знак того, что вас кто-то ждал.

— Кто заполнил?

— Я проверю.

— Мне важно получить письменное объяснение.

— Вы его получите.

Он произнёс это так, будто уже решил, каким будет объяснение.

— И ещё, — продолжил Ракитин. — Я хотел бы обсудить ваш первый разговор с Вороновым. Марина передала, что пациент снова затронул тему Левина.

— Да. Он сообщил о записи и попросил не подписывать документы без проверки.

— Он часто вовлекает новых сотрудников в конфликт с клиникой. Это часть устойчивого поведения. Он пытается найти союзника, подтвердить свою версию, проверить границы. Мы не обвиняем его в этом. Просто просим сотрудников не поддерживать эту динамику.

— А что вы предлагаете? Не задавать вопросы?

— Предлагаю не превращать каждую консультацию в расследование. Вы врач. Ваша задача — оценивать состояние, снижать симптомы, помогать человеку восстановить автономность.

— Автономность не исключает право пациента знать, кто его лечил.

— Конечно. Поэтому мы и оформим запрос. Но не сегодня.

Елена закрыла планшет.

— Хорошо. Тогда до получения документов я не буду делать выводов о прошлых консультациях. Но сегодняшние высказывания пациента останутся в карте в том виде, в каком он их сообщил.

— Разумеется, — ответил Ракитин. — Главное, чтобы формулировки не усиливали тревогу.

Разговор закончился корректно. Ракитин даже проводил её до двери. В коридоре он остановился у стенда с фотографиями команды.

— Мы рады, что вы присоединились к нам, Елена Викторовна. Здесь у вас будет возможность работать без постоянного давления, которое есть в государственных учреждениях. Не нужно бороться за каждую минуту приёма, за койку, за согласование препарата. Можно заниматься медициной.

— Это то, чего я хотела.

— Тогда не позволяйте одному сложному случаю испортить впечатление о клинике.

Елена не стала отвечать.

В своём кабинете она обнаружила на столе конверт. Обычный белый конверт без адреса и маркировки. Внутри лежал лист с просьбой подтвердить ознакомление с «Правилами согласования клинической истории пациента». Документ занимал две страницы. В нём говорилось, что врачи обязаны использовать утверждённую терминологию, избегать неподтверждённых интерпретаций и согласовывать с руководителем любые записи, которые могут повлиять на оценку эффективности программы.

На второй странице была отдельная строка: «Сотрудник обязуется не обсуждать с пациентом служебные разногласия между клиникой и бывшими консультантами, если такие разногласия не относятся непосредственно к текущему лечению».

Елена перечитала формулировку. Она не запрещала обсуждать историю лечения, но могла использоваться, чтобы ограничить вопросы. Под документом была графа для подписи.

Она отложила лист в сторону и открыла дверь кабинета.

Марина стояла в коридоре и разговаривала по телефону. Увидев Елену, закончила разговор.

— Вы получили правила?

— Да.

— Нужно подписать до конца дня.

— Я сначала прочитаю их полностью.

— Конечно. Если будут вопросы, обращайтесь к доктору Ракитину.

Марина собиралась уйти, но Елена остановила её.

— Вы говорили, что Левин был внешним консультантом. Вы помните, как он выглядел?

— Да.

— Как?

— Высокий. Худой. Очки. Всегда носил серый шарф.

— Когда вы видели его последний раз?

Марина посмотрела на дверь кабинета, потом снова на Елену.

— Не помню.

— Вы сказали, что знаете его.

— Я сказала, что помню.

— Это не одно и то же?

— В этой клинике — нет.

Марина ушла прежде, чем Елена успела задать следующий вопрос.

* * *

В конце рабочего дня Елена вернулась в кабинет, чтобы закончить записи. На экране появилось уведомление: «Для пациента № 17 создано предварительное согласие на перевод в программу завершения лечения».

Она открыла документ. В строке лечащего врача стояло её имя. Под ним — дата следующего консилиума, который должен был состояться через пять дней.

Елена не давала согласия на перевод и не обсуждала выписку. Она закрыла документ, открыла журнал изменений и увидела, что запись создана сегодня в 18:42. Автор: «Служебная учётная запись МЕРИДИАН».

Внизу, среди технических полей, находилась ещё одна строка: «Основание: предварительное согласование с пациентом».

Елена позвонила Марине. Та ответила не сразу.

— Артём Воронов подписывал согласие на перевод?

— Насколько я знаю, нет.

— Тогда кто отметил, что согласование получено?

— Я проверю утром.

— Проверьте сегодня. Запись уже находится в его медицинской карте.

Марина помолчала.

— Доктор Соколова, — наконец сказала она, — вы ведь понимаете, что здесь иногда важнее не то, что человек подписал, а то, к чему он готов?

— Нет, Марина. В медицинской карте важно то, что человек действительно согласился сделать.

На другом конце провода раздался едва слышный выдох.

— Тогда вам лучше поговорить с пациентом № 17 ещё раз. Только не сегодня.

Связь оборвалась.

ГЛАВА 6

Вопрос без подписи

Утром Елена приехала в «Меридиан» за двадцать минут до начала смены. Ночь она провела почти без сна. Скан согласия лежал в защищённой папке на телефоне, но всякий раз, когда она открывала файл, взгляд прежде всего цеплялся за имя матери. Надежда Викторовна Соколова. Не инициалы, не похожая фамилия, а полное имя, которое она столько раз видела на школьных заявлениях, квитанциях и открытках.

Елена пыталась объяснить это обычной подделкой. Кто-то взял старый образец подписи, вставил его в новый документ и рассчитывал, что она испугается или начнёт действовать импульсивно. Но зачем подделывать именно подпись её матери? Если целью было заставить Елену уйти, можно было выбрать более простой способ. Если же её хотели удержать в клинике, то документ работал слишком грубо.

Она припарковалась у бокового входа и не сразу вышла из машины. Сначала переслала копию файла на личный адрес адвоката, который когда-то помогал ей оформить наследство. В письме попросила не давать оценок содержанию, а сохранить вложение и подтвердить время получения. Затем сделала снимок экрана с датой файла и отключила синхронизацию служебного планшета с личным телефоном.

В административном корпусе ещё горел только дежурный свет. Охранник поднял голову, увидел её и кивнул. Елена приложила пропуск к считывателю. Замок сработал без задержки. На экране поста мелькнула строка с её фамилией, а затем исчезла.

В кабинете она открыла карту пациента № 17. Предварительное согласие на перевод всё ещё висело в статусе «Ожидает подтверждения лечащего врача». Елена сохранила снимок экрана и добавила к вчерашнему запросу письменное требование: указать источник согласия, дату его получения, сотрудника, внесшего запись, и основание для передачи сведений членам семьи. После этого отправила отдельное уведомление в службу защиты персональных данных.

В 8:12 в дверь постучали.

— Вы просили поговорить с Артёмом Михайловичем, — сказала Марина. — Он согласился. Но доктор Ракитин просил, чтобы встреча проходила при сотруднике отделения.

— По какой причине?

— Вчерашний разговор его взволновал.

— Вчерашний разговор был обычной консультацией. Есть клинические основания для присутствия третьего лица?

Марина отвела глаза к планшету.

— Мне сказали, что так будет безопаснее.

— Для кого?

Старшая медсестра не ответила.

Елена не стала спорить. Она попросила пригласить Артёма в кабинет и сообщила, что Марина может остаться у двери, если пациент не возражает. Это сохраняло возможность наблюдения, но не превращало разговор в допрос.

Артём вошёл через несколько минут. Он выглядел усталым, хотя на нём была та же аккуратная одежда, что и накануне. В руках он держал пустой стакан из-под воды.

— Вы не спали, — заметила Елена.

— Здесь ночью легко не спать. В коридоре закрывают двери, а замки звучат так, будто кто-то ставит точку.

— Вы хотите перенести встречу?

— Нет. Я хочу знать, нашли ли вы согласие.

— Нашла электронную копию. Оригинала пока нет. В документе указано, что вы согласились на перевод и передачу материалов членам семьи. Вы подписывали его?

— Нет.

— Вам предлагали подписать похожий документ?

— Вчера вечером Марина принесла лист. Сказала, что это формальность перед выпиской. Я попросил время прочитать. Она забрала бумагу и сказала, что подпись уже есть в системе.

— Вы помните, что именно было написано?

— Там говорилось о завершении лечения. И о том, что мои записи могут передать близким. Я спросил, кому именно. Мне ответили: «Тем, кто участвовал в согласовании вашей истории».

— Кто это сказал?

— Марина.

Елена записала ответ и уточнила, видел ли Артём фамилию матери в документе. Он отрицательно покачал головой.

— Я не знаю вашей матери, — сказал он. — И не знаю, почему её имя оказалось рядом с моим.

— В документе стоит её подпись.

Артём несколько секунд смотрел на стол.

— Значит, вы всё-таки нашли связь.

— Какую связь?

— Доктор Левин говорил, что однажды в программе участвовала семья, которую потом исключили из отчётов. Он не называл фамилий. Сказал только, что дело началось не с меня.

— Когда он вам это сказал?

— На той встрече, которую вы не можете найти. Я не знаю, была ли она три года назад. Мне показывали запись с датой, но я не уверен, что дата настоящая. Иногда я помню сам разговор, но не могу понять, когда он произошёл.

— Что вы помните точно?

Артём поставил стакан на стол и заговорил медленнее:

— Комната без окон. На двери была табличка «Архив», хотя внутри стоял стол и два кресла. Левин положил передо мной лист, где было написано три предложения. Первое: «Я признаю, что моя память может ошибаться». Второе: «Я доверяю людям, которые помогают

мне восстановить события». Третье: «Я готов отказаться от вопросов, не имеющих отношения к лечению». Он попросил прочитать вслух. Я отказался.

— Почему?

— Потому что третье предложение было неправдой. Мои вопросы как раз относились к лечению.

— А что сделал Левин?

— Вычеркнул третью строку. Сказал, что это единственное, что он может сделать, пока ещё имеет доступ к документам.

— Он объяснил, что случилось с предыдущим врачом?

— Нет. Он сказал, что в какой-то момент пациента перестают спрашивать, что с ним произошло. Начинают спрашивать, готов ли он подтвердить то, что уже записано.

Елена подняла глаза от блокнота.

— Артём, я хочу разделить две вещи. Вы можете помнить разговор, но не быть уверены в его дате. Это важно отметить. Второе: документ, который появился вчера, действительно существует в системе. Я проверяю его происхождение. Это не доказывает, что всё остальное, что вы рассказываете, произошло именно так. Но и не даёт оснований считать ваши слова симптомом.

— Вы говорите иначе, чем они.

— Я стараюсь не подменять вопрос ответом.

Артём посмотрел на неё внимательнее.

— Тогда спросите меня о комнате.

— Что именно?

— Не о том, что я там видел. Спросите, чего там не было.

Елена подождала.

— Чего не было?

— Часов. Во всей клинике часы есть. В холле, в кабинетах, в столовой. Даже в комнате отдыха персонала. А там не было. Левин сказал, что это сделано специально: человек не должен ориентироваться на время, если обсуждает воспоминания. Потом он добавил, что сам не согласен с этим правилом.

— Вы знаете, где находится эта комната?

— В старом корпусе. На первом этаже, за лестницей. Там пахло мокрой штукатуркой и бумагой.

Елена вспомнила серый корпус Г за окном Ракитина.

— Вы были там до госпитализации?

— Я не знаю. Я помню, что был там. Но не помню, как приехал.

— Это может быть важной частью вашего состояния. Мы не будем торопиться с выводами. Я запрошу сведения о старом корпусе и проверю, был ли там кабинет, который вы описываете.

— Вы думаете, мне можно помочь?

— Да. Но помощь не должна требовать от вас согласия с тем, чего вы не помните.

Впервые за встречу Артём улыбнулся по-настоящему, хотя улыбка быстро исчезла.

Когда он вышел, Марина вошла следом.

— Вы снова обсуждали доктора Левина?

— Пациент сообщил о документе, который ему предлагали подписать. Я внесу это в карту.

— Он мог неправильно понять формулировки.

— Поэтому я и записываю его слова как сообщение пациента, а не как установленный факт.

— Доктор Ракитин просил передать, что сегодня в десять будет консилиум.

— По какому вопросу?

— По пациенту № 17.

— Меня включили в состав?

Марина выдержала паузу.

— Ваше имя стоит в повестке.

— Я не получала приглашения.

— Оно придёт.

Марина вышла. Елена открыла календарь. Встреча уже была внесена — не в общий рабочий график, а в отдельный закрытый раздел. В описании стояло: «Оценка готовности к завершению программы. Участие лечащего врача обязательно». Время создания записи — вчера, 18:42.

Елена сохранила страницу и закрыла календарь. Ей предстояло выяснить, кто назначил консилиум до того, как она успела провести вторую консультацию.

*** * ***

В 9:36 на личную почту пришёл ответ от адвоката: «Файл получен. Не удаляйте исходное сообщение и не пересохраняйте вложение. Уточните, имеется ли бумажный оригинал, и не подписывайте документы задним числом».

Елена перечитала письмо. Это был не юридический вывод, но хотя бы простой порядок действий. Она распечатала скан в двух экземплярах, на одном указала время получения, второй убрала в конверт. На полях добавила: «Подлинность подписи не установлена. Дата и источник требуют проверки».

Затем открыла внутренний каталог и нашла форму запроса бумажного оригинала. Документ требовал согласования руководителя подразделения. Она заполнила его и отправила, не дожидаясь встречи с Ракитиным.

В ответ почти сразу поступило уведомление: «Запрос отклонён. Документ сформирован исключительно в электронной среде. Бумажный оригинал отсутствует».

Елена перечитала сообщение дважды. Если у документа не было бумажного оригинала, значит, подпись матери была не подписью на бумаге, а изображением, внесённым в электронную форму. Это ещё не доказывало умышленную подделку: подпись могла быть приложена как исторический образец или перенесена при миграции данных. Но в таком случае система не имела права показывать её как актуальное согласие представителя.

Она ответила на уведомление: «Прошу указать источник графического изображения подписи, дату загрузки файла и пользователя, выполнившего операцию». После отправки закрыла страницу.

В десять часов консилиум не состоялся. Вместо него пришло новое сообщение от секретаря: «Заседание перенесено на завтра. Причина — отсутствие заключения лечащего врача». Елена посмотрела на часы. Её заключение было сохранено накануне и находилось в статусе проверки. Кто-то либо не видел его, либо не хотел учитывать.

Она открыла медицинскую карту и увидела, что её нейтральная формулировка заменена. Теперь в записи говорилось: «Пациент продолжает фиксироваться на неподтверждённых обстоятельствах прежнего лечения, демонстрирует недоверие к сотрудникам, нуждается в согласовании дальнейшей терапевтической тактики». Автором изменений значилась служебная учётная запись.

Елена сделала снимок экрана. Затем нажала на журнал версий. Прежний текст не исчез — он был сохранён под предыдущим номером редакции. Но поле с указанием автора изменения оставалось пустым.

Она распечатала обе версии, поставила на первой дату и время просмотра и убрала их в папку. Теперь у неё было два независимых вопроса: кто внёс согласие от имени умершей женщины и кто изменил клиническую запись после её сохранения.

В коридоре прозвучал сигнал вызова. Елена закрыла папку, вышла из кабинета и пошла к посту медсестёр. У двери палаты № 17 стояла Марина. В руках она держала прозрачный файл с бумагами.

— Доктор Соколова, — сказала она, — Ракитин просил вас не продолжать разговоры о старом корпусе без его присутствия.

— Он может изложить это письменно.

— Вы всё усложняете.

— Нет. Я просто прошу, чтобы распоряжения, влияющие на лечение, были оформлены официально.

Марина посмотрела на дверь палаты.

— Вы не понимаете, что можете причинить пациенту вред.

— Тогда объясните, в чём именно риск. Я готова его обсудить.

Но Марина ничего не сказала. Она прижала файл к груди и отошла в сторону.

За закрытой дверью кто-то негромко постучал три раза. Елена узнала этот ритм не сразу. Такой же стук она слышала в конце разговора с Левиным на старой записи, которую Артём описывал как разговор, возможно, не принадлежащий ему.

Она посмотрела на дверь. Потом — на Марину.

— Кто там?

— Никого, — ответила медсестра слишком быстро.

И именно тогда Елена поняла, что сегодня ей не дадут просто войти в палату.

ГЛАВА 7

Чужая интонация

К полудню в клинике стало шумнее. В столовой двигали стулья, в терапевтическом корпусе хлопали двери, а из открытого окна комнаты отдыха доносился звук телевизора. Обычная дневная суета должна была успокаивать. Елена, однако, замечала в ней нечто другое: стоило ей появиться в коридоре, разговоры ненадолго стихали, а затем возобновлялись уже на другую тему.

Она не считала это доказательством слежки. Нового врача обсуждают в любом отделении, особенно если тот задаёт вопросы и отказывается подписывать документы автоматически. Но эта мысль не объясняла, почему одна и та же фраза повторялась в разных разговорах.

— Я больше не хочу жить в споре с прошлым.

Елена услышала её сначала от Полины Грачёвой, потом от пациента из соседнего отделения и, наконец, от самого Павла Крылова. Слова были обычными. Необычным было совпадение интонации: одинаковая пауза после «жить», одинаковое понижение голоса на слове «прошлым», почти одинаковый жест ладонью вниз.

Во время обеда Елена села рядом с Павлом. Он ел медленно, раскладывая еду на тарелке, словно проверял порядок предметов.

— Вы сегодня не на группе? — спросил он.

— После обеда у меня индивидуальные встречи. Можно задать вам вопрос до начала занятия?

— Если это не проверка.

— Нет. Я хочу понять, откуда у пациентов появились одинаковые формулировки.

Павел отложил вилку.

— Вы про фразу о прошлом?

— Именно.

— Её предлагают записать в конце каждого блока. Сначала спрашивают, что человек понял о себе. Потом дают карточки с примерами ответов. Можно выбрать один или написать свой. Но если пишешь свой, его возвращают на уточнение.

— Что значит «возвращают»?

— Приносят на следующий день. Говорят, что формулировка недостаточно конкретная или слишком обвинительная. Иногда просят заменить «они сделали» на «я воспринял». Или «мне запретили» на «я почувствовал ограничение». Вроде бы разница небольшая. Но после нескольких исправлений получается, что никто ничего не делал, а ты просто что-то почувствовал.

— Кто предлагает карточки?

— Чернов. Иногда Марина. Но Чернов не настаивает, если возражаешь. По крайней мере, со мной он не настаивал.

— А Ракитин?

Павел усмехнулся.

— Он появляется, когда нужно объявить результат.

Елена попросила разрешения записать его слова в рабочий блокнот. Павел кивнул.

— Вы сами выбирали формулировку «не хочу жить в споре с прошлым»?

— Нет. Я сказал, что хочу перестать спорить с братом. Мне дали эту фразу как более общую.

— Вы согласны с ней?

Павел подумал.

— Частично. Я действительно не хочу жить в постоянном конфликте. Но я не хочу и делать вид, что конфликта не было. Это разные вещи.

Он посмотрел на Елену. В его глазах не было ни возбуждения, ни подозрительности. Только усталость человека, который много раз пытался объяснить простую мысль и каждый раз обнаруживал, что его перефразировали.

— Вы преподавали историю, верно? — спросила она.

— Да. До того, как заболел. Я привык, что документ — это свидетельство, но не сама истина. Документ тоже кто-то составлял, выбирал, что включить, что пропустить. Это не значит, что все документы лживы. Это значит, что их нужно читать внимательно.

— Вы видели старые анкеты программы?

— Только свою. И один лист, который случайно остался в комнате после группового занятия. Там были фамилии. Я узнал свою и ещё несколько. Внизу стояло: «Согласование личной истории. Контрольная версия». А рядом — столбец «уровень принятия».

— Что это за фамилии?

— Я не запомнил все. Но видел фамилию Соколова.

Елена почувствовала, как внутри всё напряглось.

— Имя было указано?

— Нет. Только инициалы Н. В. И ещё дата — примерно одиннадцать лет назад.

Она не стала показывать ему скан с подписью матери. Пока это было бы неэтично и могло повлиять на его воспоминания.

— Вы можете описать лист подробнее?

Павел взял салфетку и набросал таблицу: несколько строк, три колонки, штамп в углу. Он не помнил точного названия всех полей, но написал два: «исходная формулировка» и «принятая версия».

— В третьем столбце, кажется, было «ответственный родственник», — сказал он. — Я спросил, почему там есть родственник, если человек взрослый. Мне ответили, что это историческая форма. Потом лист забрали.

— Вы помните, когда это было?

— В прошлую среду. Или во вторник. У нас тогда была встреча перед ужином.

Елена записала дату приблизительно, не настаивая на точности.

— Павел, вы знаете, кто такая Надежда Викторовна Соколова?

Он долго смотрел на неё, потом осторожно произнёс:

— Это ваша мать?

— Да.

— Тогда вам лучше спросить у Чернова. Он был в комнате, когда я видел лист.

— Он знает, что вы его видели?

— Думаю, да. Он попросил меня не делать выводов по одному листу. Я и не делал. Просто запомнил фамилию.

Павел вернулся к еде. Елена поблагодарила его и поднялась из-за стола. У выхода из столовой её остановила Полина Грачёва.

— Вы спрашивали у Павла про карточки? — сказала она.

— Это личная информация. Я не обсуждаю с вами его разговор.

— Я не про него. Я про себя. Мне тоже давали такие карточки.

— Вы можете рассказать об этом на консультации.

Полина покачала головой.

— Не там. Там всё записывают.

— В кабинете ведётся медицинская документация. Это не то же самое, что запись каждого слова.

— Вы правда так думаете?

Елена не ответила сразу.

— Я знаю, что пациент имеет право спросить, какие сведения о нём фиксируются и кто получает к ним доступ.

Полина сжала рукава кардигана.

— Тогда спросите, почему моя сестра перестала приходить. Она обещала, что будет на встречах. А потом сказала, что я сама согласилась больше не вспоминать ту ночь. Но я такого не говорила.

— Вы можете показать сообщение сестры?

— Могу. Но не сейчас.

— Хорошо. Не нужно торопиться.

Полина развернулась и пошла по коридору. На повороте она задержалась возле стенда с расписанием, сняла одну карточку и аккуратно положила обратно. Елена заметила, что на стенде висели фотографии пациентов, участвовавших в программе. Под каждым портретом была короткая фраза об успехе лечения. Все формулировки начинались одинаково: «Я научился…»

Она остановилась у фотографии Павла. Под ней было написано: «Я научился отпускать прошлое». Елена вспомнила его слова: «Я не хочу делать вид, что конфликта не было».

На обратной стороне стенда, видимой только если подойти сбоку, висел лист с планом обновления материалов. Внизу была дата утверждения и подпись. Елена узнала почерк Чернова.

Она не стала снимать лист. Вместо этого сфотографировала стенд целиком, отметив дату и место, и пошла к кабинету наставника.

Чернов сидел за столом и просматривал распечатки.

— Павел рассказал о карточках, — сказала Елена.

— О каких именно?

— С вариантами формулировок. Пациент выбирает ответ, который затем попадает в итоговую версию его истории.

Чернов снял очки.

— Это часть упражнения. Человеку предлагают несколько способов посмотреть на ситуацию. Не все варианты одинаково полезны, но задача ведущего — не выбрать за пациента.

— Павел говорит, что его собственные слова возвращали на исправление.

— Иногда приходится уточнять формулировки, чтобы не закреплять обвинение там, где факты не проверены.

— А если факты проверены?

Чернов молчал.

— Вы видели фамилию моей матери в старом листе? — спросила Елена.

Он медленно положил очки на стол.

— Где?

— В контрольной версии программы. Инициалы Н. В., дата примерно одиннадцать лет назад.

— Это был архивный материал?

— Павел видел его на групповом занятии.

Чернов потёр переносицу.

— Я помню фамилию Надежды Викторовны. Но не помню, в каком контексте она там была указана.

— Она участвовала в программе?

— Возможно, как родственник или консультант. Тогда мы приглашали членов семей на отдельные встречи. Но это не значит, что она была пациентом.

— Вы помните, кого она представляла?

— Нет. И не хочу угадывать.

Елена кивнула. Это был первый честный ответ, который она услышала за несколько дней.

— Я хочу посмотреть архивную форму.

— Ракитин не даст доступ.

— Тогда я запрошу копию персональных данных матери как её наследник.

Чернов поднял на неё глаза.

— Это может затронуть не только её документы.

— Я понимаю. Но пока мне не объяснили, почему её подпись стоит в согласии живого пациента.

Чернов встал и подошёл к окну.

— Есть одна вещь, которую я должен сказать. Когда мы запускали программу, мы действительно считали, что семейная версия помогает человеку восстановить устойчивость. Мы не хотели заставлять людей говорить то, во что они не верят. Но со временем отчетность стала важнее самого разговора. Для руководства было удобно видеть, что пациент достиг согласия. Неважно, с чем именно.

— А вы это заметили?

— Поздно.

— И всё равно продолжали вести группы.

— Да.

Он не стал оправдываться. Елена почувствовала к нему не доверие, а уважение за то, что он не попытался перевести разговор на её характер.

— Я могу помочь найти лист, — сказал Чернов. — Но не обещаю, что он всё объяснит.

— Достаточно начать с оригинала.

Он достал из ящика небольшой блокнот и записал номер старого архивного шкафа.

— Секция Г-4. Внизу лежат материалы пилотной программы. Там может быть карточка Надежды Викторовны.

— Почему вы знаете номер?

— Потому что сам подписывал акт передачи.

— Вы сказали, что не помните контекст.

— Контекст не помню. Номер — помню.

Елена взяла записку. На бумаге была ещё одна строка, которую Чернов, кажется, написал машинально: «Не искать только по фамилии. Проверить код НВ-04».

— Что это за код?

— Не знаю. Или не помню.

Он посмотрел на неё, и на мгновение его лицо стало таким же усталым, как у Левина на старой фотографии.

— Елена, не ходи в архив одна.

— Вы пойдёте со мной?

— Если смогу.

— Когда?

Чернов посмотрел на часы.

— Завтра. Сегодня мне нужно поговорить с Ракитиным.

Елена убрала записку в блокнот. Теперь у неё был конкретный номер шкафа, два инициала матери и свидетель, который признал, что помнит часть событий, но не всё. Это было больше, чем накануне, и всё ещё слишком мало.

Когда она вышла из кабинета, на экране служебного телефона появилось уведомление: «Встреча с пациентом № 17 отменена по медицинским показаниям». Время отмены — 12:03. Врач, принявший решение, не был указан.

Елена развернулась и пошла к посту медсестёр.

ГЛАВА 8

Код НВ-04

Старый архив находился в административном корпусе, но доступ к нему открывался не через электронную систему, а по отдельному ключу. Елена узнала об этом от Светланы Николаевны, архивариуса, с которой познакомилась накануне. Женщина работала в клинике давно и говорила коротко, словно каждое лишнее слово могло попасть в ненужный документ.

— Секция Г-4 находится в нижнем хранилище, — объяснила она по телефону. — Но туда не пускают без заявки. У вас есть разрешение?

— Пока нет. Я хочу подать официальный запрос.

— По чьей карте?

— По архивной форме, где фигурирует Надежда Викторовна Соколова.

На другом конце линии стало тихо.

— Вы уверены, что хотите искать именно эту запись?

— Да.

— Тогда не указывайте только фамилию. Укажите код НВ-04.

Елена посмотрела на записку Чернова.

— Откуда вы знаете этот код?

— Потому что он стоит в описи.

— Что он означает?

— В описи не расшифровано.

— Вы видели саму форму?

— Видела конверт. Внутри документы, но доступ ограничен. Я не имею права открывать без распоряжения.

— Кто может дать распоряжение?

— Медицинский директор или ответственный за архивную комиссию.

— Ракитин?

— Он подписывает часть документов. Но по старым материалам лучше обращаться в комиссию.

— Кто в неё входит?

— Сейчас? Ракитин, юрист и представитель учредителя. Раньше был ещё Лев Семёнович.

Елена записала фамилию Левина.

— А сейчас кто занимает его место?

— Никто.

Светлана Николаевна попрощалась и отключилась. Елена некоторое время смотрела на телефон, затем открыла официальный портал и создала запрос на доступ к документам умершей матери. Она указала, что является единственным наследником по завещанию, приложила копию свидетельства о смерти и запросила информацию о наличии документов, где Надежда Викторовна выступала представителем или участником семейных консультаций.

Система выдала номер обращения и срок ответа — до десяти рабочих дней. Для Елены это означало, что ждать придётся дольше, чем позволяла ситуация. Она отправила копию запроса Чернову и попросила подтвердить, действительно ли он участвовал в передаче материалов секции Г-4.

Ответ пришёл через семь минут: «Подтверждаю. Не используй код НВ-04 в публичных запросах. Это внутренний индекс. Я поговорю с Ракитиным».

Елена перечитала сообщение. Почему внутренний код нельзя было использовать в запросе, если он помогал архиву найти нужную запись? Она написала: «Вы сами дали мне этот код». Чернов не ответил.

В половине второго её вызвали в кабинет Ракитина. На столе стоял открытый ноутбук, рядом лежала папка с распечаткой её вчерашней записи. Ракитин не предложил кофе и не стал спрашивать, как прошла ночь.

— Елена Викторовна, мы должны обсудить границы вашей работы с пациентом Вороновым.

— Я готова.

— Вы продолжаете запрашивать материалы, не относящиеся к текущему лечению. Вы обсуждаете с другими пациентами детали чужой истории. Вы вовлекаете в это доктора Чернова.

— Я не обсуждала с пациентами чужую историю. Павел Крылов сообщил о карточках, которые использовались на группе. Я уточнила, как именно они применялись. Это относится к качеству терапии.

— Вы спрашивали его о фамилии своей матери.

— Я спросила, видел ли он её в документе. Он сообщил о фамилии сам.

— И вы решили связать это с пациентом № 17.

— Эту связь уже создала клиника, включив имя моей матери в согласие, оформленное от имени Воронова.

Ракитин не повысил голос. Он открыл ноутбук и повернул экран к Елене. На нём был тот самый скан.

— Это техническая ошибка миграции данных, — сказал он. — Мы переносили старые семейные согласия в новую систему. В одном из шаблонов сохранились изображения подписей родственников. Программа могла автоматически подставить не тот файл.

— Тогда почему документ датирован вчерашним днём и содержит формулировку о передаче материалов членам семьи?

— Потому что создавался новый шаблон на основе старого.

— Кто его создал?

— Служба документооборота.

— Какая учётная запись внесла изображение подписи?

— Я запросил проверку.

— У меня есть уведомление, что оригинала не существует. Я хочу знать, на каком основании изображение подписи использовалось как действующее согласие.

Ракитин сложил руки.

— Я не утверждаю, что это действующее согласие. Именно поэтому документ помечен как предварительный.

— В нём указано, что согласие получено.

— Формулировка будет исправлена.

— Когда?

— Сегодня.

Елена достала распечатку журнала версий.

— А это тоже ошибка миграции? Вчера моя запись была заменена служебной учётной записью, а исходный текст остался в истории изменений.

Ракитин взял лист, прочитал и положил обратно.

— У нас действует внутренний контроль медицинских записей. Если формулировка не соответствует шаблону, система предлагает редакцию.

— Она не предлагает. Она заменяет.

— Врач может отменить изменение.

— Я не получала уведомления о том, что текст изменён.

— Значит, мы должны проверить настройки уведомлений.

Елена поняла, что разговор снова движется по замкнутому кругу: каждое конкретное несоответствие превращалось в техническую мелочь, а за мелочами исчезал общий смысл.

— Я хочу зафиксировать, что не согласна с изменённой записью.

— Вы можете добавить комментарий.

— Я добавлю отдельное медицинское заключение, где укажу исходные формулировки и время их внесения.

Ракитин посмотрел на неё внимательно.

— Вы понимаете, что это может повлиять на вашу работу здесь?

— Если мои записи нельзя сохранить в первоначальном виде, это уже влияет на мою работу.

Он закрыл ноутбук.

— Я не хочу конфликтовать с вами. Вы хороший специалист. Но вы пришли в клинику с готовой тревогой и теперь ищете подтверждение.

— Я пришла с вопросами, потому что в документах есть несоответствия.

— Вашу мать звали Надежда Викторовна. Это так?

Елена не ответила сразу.

— Да.

— Она умерла одиннадцать лет назад?

— Да.

— Вы уверены, что она никогда не была связана с «Меридианом»?

Вопрос прозвучал мягко, но Елена почувствовала, как напряглась спина.

— Я не знаю. В моей семье не было разговоров о клинике.

— Тогда, возможно, стоит начать с этого. Не всё, что кажется вам подделкой, ею является.

— Вы знаете, что она здесь делала?

— Я знаю, что её имя встречается в архиве семейной программы. Но не помню деталей.

— Когда вы собирались мне об этом сказать?

— Когда бы вы спросили.

— Я спросила вчера. Вы ответили, что проверите техническую ошибку.

Ракитин отвёл взгляд к окну. На секунду его спокойствие показалось не профессиональной выдержкой, а усталостью человека, который слишком долго держит одну и ту же позицию.

— Надежда Викторовна была не пациентом, — сказал он. — Насколько я помню, она участвовала в одном из семейных проектов. Там изучали, как близкие родственники описывают события, связанные с длительным стрессом.

— Кого она представляла?

— Этого я не помню.

— Она подписывала документы?

— Скорее всего, да. Все участники подписывали согласие.

— Почему её подпись оказалась в карте Артёма Воронова?

— Это и проверяется.

— Где оригинал её согласия?

— В архиве.

— Тогда разрешите мне получить копию.

— По запросу. Не сегодня.

Елена поднялась.

— Я уже направила запрос.

Ракитин не стал её останавливать.

— И ещё, Елена Викторовна. До завершения проверки я прошу вас не проводить встречи с Вороновым без второго специалиста.

— На каком основании?

— На основании необходимости обеспечить объективность оценки.

— Я попрошу внести это распоряжение в письменном виде и указать клинические причины.

Ракитин кивнул. Он не выглядел удивлённым. Скорее, ожидал именно такого ответа.

В коридоре Елена столкнулась с Мариной. Та держала в руках коробку с архивными папками.

— Вы искали секцию Г-4? — спросила Марина.

Елена остановилась.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я сегодня выдавала ключи в архив.

— Кому?

Марина посмотрела на коробку.

— Доктору Чернову.

— Он уже спустился?

— Да. Но просил не беспокоить.

Елена посмотрела на часы. До конца рабочего дня оставалось три часа.

— Вы знаете, что находится в конверте НВ-04?

Марина не ответила сразу.

— В старых папках не всегда лежит то, что написано на обложке, — сказала она наконец. — Иногда там остаются копии, черновики и листы, которые никто не должен был хранить.

— Вы видели эту папку?

— Видела.

— Что в ней?

Марина опустила глаза.

— Фотография вашей матери.

Елена почувствовала, как в ушах зазвенело.

— Где она была сделана?

— В старом корпусе. В комнате без окон.

Марина протянула коробку охраннику у лифта и ушла, не дожидаясь следующего вопроса.

Елена осталась одна. Она посмотрела на закрытую дверь лифта и поняла, что впервые за всё время кто-то назвал не только фамилию матери, но и место, которое описывал Артём.

ГЛАВА 9

Фотография без даты

Елена нашла Чернова в нижнем архивном помещении. Он стоял перед открытым шкафом, держа в руках две папки. В комнате пахло картоном, пылью и сухой бумагой. На бетонном полу была свежая полоса от колёс тележки, а на стене висел список секций, напечатанный на пожелтевшем листе.

— Марина сказала, что вы здесь, — произнесла Елена.

Чернов посмотрел на неё и закрыл одну папку.

— Она не должна была говорить.

— Почему?

— Потому что я пока не знаю, что именно мы найдём.

— Я тоже. Но это моя мать.

Он положил папки на стол.

— Секция Г-4. Код НВ-04. Я нашёл конверт, но он запечатан. По правилам я не могу вскрывать его без комиссии.

— Вы же член комиссии?

— Уже нет. Мой доступ закончился два года назад.

— Тогда почему вам выдали ключ?

Чернов помедлил.

— Ракитин подписал временный допуск. Он считает, что лучше, если материалы посмотрит человек, который участвовал в программе.

— А не я?

— Он не хочет, чтобы ты увидела документы без объяснения контекста.

— Контекст можно объяснить после того, как я увижу документ.

Чернов взял конверт. На нём было написано: «НВ-04. Семейное участие. Копии для внутреннего анализа». Под строкой стояла дата — одиннадцать лет назад. Конверт был заклеен старой бумажной лентой, но край уже отставал.

— Я не буду его вскрывать, — сказал Чернов. — Не без протокола.

Елена достала телефон и сфотографировала лицевую сторону.

— Я могу запросить вскрытие официально. Но хочу знать, видели ли вы эту фотографию раньше.

Чернов кивнул.

— Видел. Один раз. На рабочем совещании.

— Вы помните, что на ней?

— Надежда Викторовна стоит в коридоре старого корпуса. Рядом с ней девочка. Лица девочки не видно, она отвернулась к окну.

— Сколько ей лет?

— Не знаю. Десять, может быть, одиннадцать.

Елена долго смотрела на конверт.

— Я была такого возраста, когда мама умерла?

— Нет. Ты уже училась в университете.

— Тогда кто эта девочка?

Чернов покачал головой.

— Я не знаю.

— Вы видели только фотографию или знаете, что происходило на встрече?

— Я вёл часть занятий. Но семейные консультации проводили не всегда в клинике. Иногда люди приезжали на внешнюю площадку. В тот проект вошли несколько семей, которые соглашались обсуждать давние конфликты. Мы хотели понять, как человек отделяет собственные воспоминания от того, что ему постоянно рассказывают родственники.

— Кто предложил такой метод?

— Левин. Он настаивал, что нельзя подменять воспоминание согласованной версией. Поэтому он требовал сохранять исходные записи и отдельно фиксировать любые изменения формулировок.

— И что случилось с проектом?

— Его закрыли. Официально — из-за нарушения сроков, недостатка финансирования и несогласованных форм обработки данных. Неофициально — потому что результаты нельзя было представить так, как хотело руководство.

— То есть участники не стали лучше?

— Некоторые стали. Другим было хуже. Кто-то впервые смог рассказать о семейном насилии, кто-то перестал разговаривать с родственниками, кто-то понял, что не готов к примирению. Для клиники это выглядело неоднозначно. Руководству нужна была понятная динамика: до, после, процент улучшения. Левин отказывался сводить всё к одному числу.

— А вы?

— Я подписал итоговый отчёт. Это моя ошибка.

Елена посмотрела на него.

— Вы знали, что в нём изменили выводы?

— Я видел, что часть формулировок стала мягче. Убрали слова «давление», «угроза», «принуждение». Заменили на «семейное разногласие» и «сложность коммуникации». Я решил, что смысл не изменился настолько, чтобы отказываться от подписи.

— А потом увидели, что изменился.

— Да.

Чернов говорил без попытки вызвать сочувствие. Елена заметила, что пальцы его правой руки слегка дрожат.

— Почему вы не рассказали об этом раньше?

— Потому что мне было проще считать, что я не отвечаю за итоговую версию. И потому что я боялся потерять работу. Когда Левина отстранили, я решил, что не смогу ничего изменить.

— Теперь можете.

— Не знаю.

Елена положила на стол копию скана согласия с подписью матери.

— Эта подпись могла быть взята из конверта?

Чернов внимательно посмотрел на изображение.

— Почерк похож. Но я не могу сказать, что это один и тот же оригинал.

— Вы помните, как Надежда Викторовна подписывала документы?

— Да. Она писала медленно, с длинной чертой в конце фамилии. Здесь та же особенность.

— Значит, подпись настоящая?

— Нет. Значит, изображение могло быть скопировано с настоящей подписи. Это не одно и то же.

Елена кивнула. Он говорил именно то, что она хотела услышать: не больше того, что позволяли факты.

Они запросили у архивной системы журнал доступа к секции. Ответ пришёл на терминал Чернова: «Материал НВ-04 включён в перечень ограниченного доступа. Вскрытие допускается только по решению комиссии». Ниже была отметка о недавнем обращении — сегодня в 11:18. Пользователь: «В. А. Ракитин».

— Он уже видел конверт? — спросила Елена.

— Или проверял его местонахождение.

— Почему он не открыл его?

— Возможно, ждёт, пока это сделает кто-то другой.

Чернов распечатал уведомление и приложил его к запросу. Затем они поднялись в административный корпус. У лифта Елена заметила, что на стене висит новая фотография: группа сотрудников перед главным зданием. Среди них были Ракитин, Марина и Чернов. Снимок выглядел старым, хотя рамка была новой.

— Вы помните, когда его сделали? — спросила Елена.

— Да. Открытие нового корпуса. Десять лет назад.

Елена присмотрелась. В последнем ряду, почти за плечом Чернова, стояла женщина в тёмном пальто. Её лицо было повёрнуто к фотографу. Это была Надежда Соколова.

— Она работала здесь? — спросила Елена.

Чернов проследил за её взглядом.

— Нет. По крайней мере, в штате её не было.

— Но она присутствовала на открытии.

— Похоже на то.

— Вы уверены, что фотография сделана десять лет назад?

— Да. Я помню церемонию. Это было за год до закрытия пилотной программы.

Елена увеличила снимок на телефоне. В нижнем углу стояла дата: «14.09». Год не был указан. На обороте рамки имелась карточка с надписью: «Коллектив. Осень 2014». Мать умерла одиннадцать лет назад, в 2015-м. Значит, фотография могла быть сделана незадолго до её смерти.

— Почему вы сказали, что не помните контекста? — тихо спросила Елена.

Чернов долго не отвечал.

— Потому что помню только отдельные фрагменты. Твоя мать приходила не одна. С ней была девочка. И кто-то из комиссии попросил нас не включать их в общий список участников.

— Почему?

— Сказали, что это семейное сопровождение, а не исследование.

— Как звали девочку?

— Не знаю.

— Вы видели её лицо?

— Один раз. Но не уверен, что узнаю.

Елена почувствовала, что разговор перестал быть разговором о подписи. Если мать действительно участвовала в проекте вместе с ребёнком, это могло объяснить, почему её имя сохранилось в архиве, но не то, как оно оказалось в сегодняшнем согласии пациента № 17.

Они остановились у окна. Внизу по дорожке шла Полина Грачёва. Она несла папку и разговаривала с Мариной. Когда Полина заметила Елену, замедлила шаг и на секунду подняла руку, будто хотела поздороваться. Марина что-то сказала ей, и девушка опустила голову.

— Она тоже видела карточки, — сказала Елена.

— Кто?

— Полина. Она говорит, что сестра перестала приходить после семейных встреч.

Чернов внимательно посмотрел на неё.

— У Полины нет сестры в списке контактов.

— Это не означает, что её нет.

— Да. Но если родственник не указан, мы не можем приглашать его на консультации.

— Возможно, её сестра сама отказалась от контакта.

— Возможно.

Елена достала телефон и открыла сохранённую фотографию стенда с фразами пациентов. Она показала Чернову снимок.

— Вы утверждали эти формулировки?

— Не все. Часть была опубликована после моего ухода из проекта.

— Но ваш почерк есть на плане обновления материалов.

Чернов посмотрел на экран и вздохнул.

— Я подписал план, не проверив каждую карточку. Тогда мне сказали, что это просто редакторская правка.

— Вы повторяете одну и ту же ошибку.

— Знаю.

Он отвернулся к окну.

— Левин говорил, что однажды мы будем читать эти фразы как признания пациентов, хотя на самом деле они окажутся признаниями сотрудников. Он имел в виду, что люди будут говорить не о себе, а о том, чему их научили.

— Вы сохранили что-нибудь из старого проекта?

— Да. Несколько рабочих заметок. Они не содержат медицинских данных, но могут помочь понять структуру программы.

— Где они?

— Дома.

— Принесёте завтра?

Чернов кивнул.

Когда Елена вернулась в кабинет, в системе уже ожидало новое сообщение от медицинского директора: «Ваш запрос на доступ к архивному материалу НВ-04 принят к рассмотрению. До завершения проверки прошу воздержаться от самостоятельного изучения материалов, не относящихся к текущим обязанностям».

Она прочитала текст и ответила: «Принято. Прошу сообщить номер решения комиссии и срок рассмотрения». Затем сохранила переписку.

Вечером, уже дома, Елена достала из шкафа коробку с документами матери. После похорон она не разбирала её полностью: там лежали открытки, счета, старые фотографии и несколько школьных тетрадей. На дне нашёлся конверт с надписью «Меридиан». Он был тонкий, без марки. Внутри лежал пропуск на имя Надежды Викторовны Соколовой и сложенный вчетверо лист.

На пропуске стояла дата: 14 сентября 2014 года. Доступ: «Корпус Г. Сопровождение». Фотография матери была сделана в том же пальто, что и на снимке у лифта.

На листе рукой матери было написано всего одно предложение: «Если Елена спросит, не говорите ей, что она уже была здесь».

Елена села на пол рядом с коробкой. За окном проехала машина, свет фар скользнул по стене и исчез. Она перечитала фразу ещё раз.

Мать не могла знать, что дочь однажды придёт работать в «Меридиан». Но могла знать, что Елена уже была в клинике. И попросила не говорить ей об этом.

ГЛАВА 10

Девочка на снимке

Елена не спала до рассвета. Она положила пропуск матери и записку на стол рядом с ноутбуком, затем несколько раз пыталась выстроить возможную последовательность событий. В 2014 году мать получила пропуск в корпус Г. В тот же период шла пилотная программа, где участвовали семьи. На фотографии открытия здания рядом с матерью стояла девочка. Чернов помнил, что она приходила с ребёнком, но не знал имени. Теперь на записке было указано имя Елены.

Она могла быть той девочкой. Но если это так, почему не помнила поездок в клинику? Почему мать никогда не рассказывала о встречах? И почему в архиве её участие оказалось связано с картой Артёма Воронова?

Елена открыла семейный архив на ноутбуке. Она хранила отсканированные фотографии по годам, но папки за 2013–2015 годы были почти пустыми. Несколько снимков с дачи, день рождения двоюродной сестры, новогодняя ёлка. Никаких фотографий из клиники.

В одной из папок она нашла скан школьной анкеты за 2014 год. В графе «законный представитель» стояла подпись матери. Ниже — контактный телефон, который давно не использовался. Елена сравнила подпись с изображением на новом согласии. Совпадали наклон букв, длинная черта после фамилии и небольшой разрыв в букве «С». Сходство было слишком точным, чтобы его объяснить совпадением, но оно подтверждало лишь копирование реального образца.

В семь утра она позвонила тёте Ирине, младшей сестре матери. Та ответила после третьего гудка.

— Леночка? Что случилось?

— Тётя Ира, мне нужно спросить про маму. Она в 2014 году ездила в клинику «Меридиан»?

На другом конце линии послышался шум, будто женщина поставила чашку на блюдце.

— С чего ты взяла?

— Я нашла её пропуск.

— Где?

— В коробке с документами.

— Ты разбираешь мамины вещи?

— Да. Мне нужно понять, что она там делала.

Тётя Ирина долго молчала.

— Надя говорила, что помогает одной знакомой семье. Там был психологический проект. Что-то про отношения родителей и детей. Она не хотела обсуждать подробности.

— Как звали семью?

— Не помню. Кажется, у них была девочка твоего возраста.

— Я тоже там была?

— Да. Один раз точно. Ты тогда плохо спала после… — тётя Ирина осеклась. — После той истории в школе. Надя сказала, что вы будете разговаривать со специалистом.

Елена медленно села на край стула.

— Какой истории?

— Ты что, не помнишь?

— Расскажи.

— Не по телефону. Я приеду к тебе сегодня.

— Тётя, мне нужно знать сейчас.

— Ты тогда пропала на несколько часов. Не исчезла совсем — мы нашли тебя у старого железнодорожного моста. Ты сказала, что шла домой, но не могла объяснить, откуда пришла. Мама очень испугалась. Потом вы ездили в центр, где с вами разговаривали врачи. Она попросила меня никому не рассказывать, потому что не хотела, чтобы тебя считали больной.

Елена закрыла глаза. В памяти всплыл холодный металлический поручень, мокрые кроссовки и запах дыма. Она помнила, как стояла у моста после дождя. Но думала, что это было обычное воспоминание из детства, не связанное с клиникой.

— Сколько мне было лет?

— Двенадцать или тринадцать. Восьмой класс, кажется.

— А девочка на фотографии?

— Не знаю. Надя говорила, что вы подружились с одной девочкой на встречах. Но потом вы перестали общаться.

— Как её звали?

— Кажется, Аня. Или Алина. Я не уверена.

Елена записала имя в блокнот.

— Мама рассказывала, что случилось у моста?

— Нет. Только сказала, что ты была в безопасности. После этого ты несколько раз спрашивала про какую-то девочку, но мама отвечала, что ты перепутала. Я думала, это часть детской фантазии.

— Почему ты не сказала мне раньше?

— Ты сама перестала спрашивать. А Надя просила не возвращаться к этому. Она боялась, что ты снова начнёшь плохо спать.

Елена почувствовала раздражение, но удержалась.

— Ты помнишь, где проходили встречи?

— В старом корпусе. По крайней мере, один раз я привозила вас туда. Там был вход со стороны сада. Надя сказала, что это временный кабинет.

— Ты видела врачей?

— Мужчину с очками. И молодого психолога. Имён не помню.

Елена поблагодарила тётю и пообещала встретиться позже. Разговор закончился, но вопросы не уменьшились. Напротив, теперь у неё было детское воспоминание, которое связывало её с клиникой, и имя девочки, с которой она могла там познакомиться.

Она открыла фотографию на стенде. Изображение было не очень чётким, но силуэт девочки в коридоре можно было сопоставить с её школьными снимками того года. Рост, причёска, светлая куртка. Это могла быть Елена. Но лицо было скрыто.

В девять часов она вошла в клинику. Марина встретила её у поста.

— Доктор Ракитин просил вас зайти к нему до начала консультаций.

— Я сначала хочу увидеть пациента № 17.

— У него сегодня назначена групповая работа.

— Я не спрашивала о расписании. Мне нужно проверить, как он себя чувствует после вчерашней отмены встречи.

— Он отказался от индивидуальной консультации.

— Он сам отказался?

Марина открыла планшет и показала запись. «Пациент уведомлён об отмене. Возражений не высказал». В строке ниже стояло: «Отказ от индивидуальной встречи». Подписи пациента не было.

— Вы сами сказали ему, что встреча отменена, — произнесла Елена.

— Я передала решение отделения.

— Это не отказ пациента.

Марина убрала планшет.

— Елена Викторовна, вы должны понять: Артёму сейчас нужна стабильность. Каждый раз, когда мы возвращаемся к его старым подозрениям, он перестаёт спать и начинает проверять документы. Мы не можем поддерживать такое поведение.

— Проверка документов не является симптомом сама по себе.

— Вы видели, как он реагирует.

— Я видела, что он задаёт вопросы. Я не видела угрозы для себя или окружающих.

Марина посмотрела на неё с усталостью.

— Тогда вы ещё не видели всего.

Елена прошла в кабинет Ракитина. Тот сидел за столом и просматривал распечатки. Рядом лежала старая фотография из архива. На ней стояли три человека: Надежда Соколова, Игорь Чернов и девочка в светлой куртке. Лицо ребёнка было повёрнуто к окну.

— Где вы взяли фотографию? — спросила Елена.

— Из архива. Чернов передал копию.

— Кто эта девочка?

— Мы надеялись, что вы сможете ответить.

Елена почувствовала, что он специально оставил фотографию на виду.

— Возможно, я.

— Вы были в клинике в 2014 году?

— Моя тётя говорит, что да. Мать привозила меня на встречи с психологом после какого-то случая у железнодорожного моста.

Ракитин кивнул, будто подтверждал то, что давно знал.

— Тогда вы понимаете, почему ваше имя появилось в системе.

— Нет. Я понимаю, почему у клиники мог быть мой старый адрес или контакт матери. Но не понимаю, почему в карте Воронова стоит её подпись как представителя пациента.

— Это может быть ошибка переноса данных из пилотной программы.

— Но почему тогда мне не сообщили, что я сама была участницей?

— Потому что вы были несовершеннолетней. Документы оформлялись через законного представителя. После закрытия проекта материалы были ограничены в доступе.

— Кто принимал решение о закрытии?

— Комиссия.

— Вы входили в неё?

— Да.

— Чернов?

— Да.

— Левин?

Ракитин помолчал.

— Левин возражал против итогового отчёта и покинул проект раньше закрытия.

— Почему?

— Он считал, что клиника использует результаты программы неверно. Мы считали, что он не способен отделить профессиональную оценку от личного конфликта.

— А что произошло с девочкой на фотографии?

— Она закончила участие. Её мать подписала документы о прекращении встреч.

— Девочка — это я?

— Да.

Елена долго смотрела на фотографию.

— Почему я ничего не помню?

— Вы помните отдельные фрагменты. Возможно, тогда вы не понимали, зачем вас приводят на встречи. Возможно, позже перестали связывать их с клиникой. Это не означает, что кто-то стирал ваши воспоминания.

— Я знаю. Мне не нужно объяснять очевидное. Я хочу знать, что именно происходило.

Ракитин подвинул фотографию к ней.

— Ваша мать попросила не возвращаться к теме. Мы исполнили её просьбу.

— Вы исполнили просьбу моей матери или решили, что так удобнее клинике?

Он не ответил.

— На фотографии рядом со мной ещё одна девочка. Кто она?

— Анна. Её фамилию я не назову без проверки документов.

— Она тоже была участницей?

— Да.

— Что с ней случилось?

Ракитин посмотрел на Елену, и на этот раз в его взгляде не было привычной мягкости.

— Она погибла через несколько месяцев после завершения проекта.

Елена почувствовала, как кабинет словно отдалился.

— Как?

— Несчастный случай. Подробности не относятся к текущей работе.

— Если я была свидетелем событий, которые предшествовали её смерти, они относятся ко мне.

— Вы не были свидетелем. Вы были ребёнком, которого пытались защитить.

— Кто пытался?

Ракитин поднялся и подошёл к окну.

— Ваша мать. И мы.

Елена посмотрела на фотографию. Теперь она заметила, что на обороте карандашом написано: «Н. В. Соколова. Елена. Анна. Вторая встреча». Подписью ниже стояли инициалы Л. Л.

— Это почерк Левина?

Ракитин не повернулся.

— Похоже.

— Значит, он знал мою мать и меня.

— Да.

— И он был связан с пациентом Вороновым.

— Возможно.

Елена положила фотографию обратно.

— Я хочу получить полную копию документов по моему участию и по участию матери. Законным порядком, с описью и указанием всех ограничений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.